

ДАРЬЯ КНИЦАРЬ

ГОРОД
ПОДЗЕМНЫХ
ЦВЕТОВ

18+

Дарья Сницарь

Город подземных цветов

«Автор»

2020

Сницарь Д.

Город подземных цветов / Д. Сницарь — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-05477-6

Строительство Крымского моста пробудило обитающие в Керчи древние силы. Приехав летом к морю, Лиза нашла город изменившимся. Собак на улицах стало больше, чем крыс. Все жители Цементной слободки куда-то исчезли. В подвалах домов творится чертовщина. Юная девушка оказывается заложницей злых существ, которые отчаянно борются за власть.

ISBN 978-5-532-05477-6

© Сницарь Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Город подземных цветов	5
Глава 1. Хозяйка слободки	6
Глава 2. Старый храм	19
Глава 3. День рыбака	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Сницарь

Город подземных цветов

Город подземных цветов

Дарья Сницарь

Глава 1. Хозяйка слободки

Керчь, 2014 год

Город подземных цветов веками вёл двойную жизнь. Одна сторона Керчи рыбачила, шумела заводами, строила суда, а после превратилась в тихий курорт для знающих людей – не самый популярный в Крыму, зато с песчаным пляжем и богатой историей. Другую сторону города, *тайную*, перемены не задевали. Подземная Керчь путешествовала сквозь время, нетронутая.

Если строителям случалось, копнув чересчур глубоко, наткнуться на древние захоронения, участок замораживали, передавали местным археологам, а те... знали, где тревожить землю не стоит. И к счастью, городу, где живёт всего сто пятьдесят тысяч человек, не полагалось метро.

Каждый год пропадали люди, но никто, кроме немногих посвящённых, не замечал следов, тянущихся к подвалам, склепам, катакомбам – к бесконечной сети пустот под городом. Керчь, подобно Эдварду Мордрейку, человеку с двумя лицами, без зеркала не могла видеть второй свой лик. И кто знает, сколько ещё веков сохранялось бы равновесие, если бы не Крымский мост. Керченскому полуострову грозила большая стройка: с грохотом свай, пылью самосвалов, гулом развязки. Предчувствуя перемены, Город подземных цветов пришёл в движение.

Стояла первая половина июля. Две девушки и четверо парней шли от района Будённого к морю. Они несли пакеты с продуктами – чтобы устроить пикник у костра.

За центральным городским шоссе пятиэтажки заканчивались, и дорога вела через промзону, мимо хранилищ газа, за железнодорожный переезд. Справа виднелся большой пустырь. Где-то среди травы журчал невидимый ручей.

В Керчи, вытянутой вдоль побережья, дома росли кочьями: тут микрорайон, там голая степь и озеро, ещё дальше – заброшенный завод. Стоило только выйти из квартиры, прошагать два километра, и вот ты оказался в частном секторе на берегу моря.

Русоволосая девушка девятнадцати лет по имени Лиза уже бывала в Цементной слободке прежде. Она издалека узнала низкие дома, когда-то служившие казармами для военных Керченской крепости. Ансамбль дополнили их потомки: гаражами, сараями и зелёными палисадниками. Меланхоличное, уединённое, всеми забытое место – в таком не захочешь оказаться после прихода темноты.

Лиза разговаривала мало, держалась в стороне от компании и всю энергию тратила на то, чтобы чарующе выглядеть в своём фисташковом платье с летящей юбкой. Неудачный наряд для посиделок у костра, зато сидит безупречно. Она нервничала из-за Димы, в честь приезда которого Маша с Владом решили устроить пикник. Думала: «Если не бахнусь в обморок, это будет большой удачей». Нелегко ведь из бывшего снова сделать друга. Особенно если расставание с ним убило твою личность и вылепило новую, сплошь из страхов.

Со смесью ревности и печали она отметила, как Дима вырос в плечах и возмужал. Руки стали широкими, словно корабельные турбины. Теперь, когда Лизе было девятнадцать, а ему восемнадцать, разница в возрасте чувствовалась меньше, чем два года назад.

В Димином лице сильнее проступили татарские черты, унаследованные от матери. Острее обозначилась линия скул. Когда он говорил или улыбался, по лицу словно ходили волны – так быстро менялось выражение. Причёска осталась той же – короткие взъерошенные чёрные волосы. Родные голубые глаза смотрели по-старому. Взгляд был цепкий, как у отца-бизнесмена, которого, правда, Лиза видела всего пару раз – тот нечасто оставлял своё дело в Казани без присмотра.

Как бы тяжело ни было находиться рядом с бывшим, Лиза старалась к этому привыкнуть, лишь бы не рушить старую компанию. Все, кроме её друга Лёши, перезнакомились ещё в детсадовском возрасте. Маша, Влад и Гриша жили в Керчи, Дима приезжал на лето из Казани, она – из Москвы. Теперь все они одной ногой шагнули во взрослую жизнь. Возможно, в следующем году компания не соберётся, детство ускользнёт насовсем, и этот пикник станет их последним общим счастливым воспоминанием.

Лиза прислушалась к общему разговору.

– А помнишь Лену? – Маша ухватила Влада за локоть. Её мышиного цвета волосы, выстриженные каскадом, подпрыгнули и снова улеглись.

– Какую Лену? – переспросил Димин двоюродный брат.

– Из моего класса. Жила в слободке, рассказывала всем о курах.

– Это которая вставала в четыре утра, а потом спала на уроках? «Нет яичка – сдохни, птичка»?

– Ой, ну что она куриц от злости душила – бред. Нормальная она была. Простая.

Лиза подумала, что двоюродный брат Димы и Маша окончили районную школу и оба остались учиться в керченских ПТУ. По её мнению, их тоже можно было назвать «простыми».

– Так вот, – продолжила Маша. – Говорят, Лена пропала.

– Хм. Очередная? – отозвался Влад. – Можно подумать, в Керчи маньяк завёлся.

– Ну, тел ведь не находят. Если вдруг исчезну, знайте: я наконец съехала от родителей и очень счастлива.

Лиза обменялась тревожным взглядом с Лёшей. Разговоры о пропавших девушках её пугали. И так бабушка каждое утро пересказывает жуткие сплетни, а теперь и Маша туда же. Друг легонько качнул головой и улыбнулся уголком рта, будто говоря: «Не накручивай себя». Он один знал, как мнительно её куриное сердце.

Дорога повернула в Верхнюю Цементную слободку, и они оказались среди оранжево-бежевых домов. На улице никого, шторы на окнах задёрнуты, калитки заперты. Везде царит такое запустение, словно этого места век не касалась человеческая рука. На крышах растут лишайники, шифер крошится, водостоки не чистили с зимы. В воздухе витает лёгкий запах гнили.

Из-за белых мазаных сарайчиков вдруг донёсся лай собак. Неприятный, визгливый, истеричный. Лиза попятилась, Дима, напротив, вышел чуть вперёд осмотреть кусты, а Гриша нагнулся и поднял с земли крупный камень.

– Ты чего? – одёрнул его Лёша. – На камень они и кинутся. – Как волонтёр одного из московских приютов, он, конечно, не мог промолчать. – Не пугай животных, и они тебя не тронут.

Гриша камень из рук не выпустил. Другое дело, если бы нагоняй устроил его обожаемый Дима, а так... «Интересно, – усмехнулась про себя Лиза, – в тот год, когда мы играли в отношения на расстоянии, кому Дима отправил больше сообщений: мне или Грише?» Ей горько было думать, что Дима никогда не ценил её больше, чем друга. Да и ценил ли вообще?

Из ближайшего куста выскочил тощий бурый пёс. Поводил трясущейся головой из стороны в сторону, будто запоминая гостей слободки, потом взвизгнул, дёрнулся – его тонкие, как счётные палочки, лапы пробуксовали на бетонной крошке, – и рванул в сторону шоссе. «На доклад спешит», – от собственной абсурдной мысли Лиза чуть повеселела.

– Большой, кажется, – заметил Лёша. – Испугался нас...

Лизе стало неприятно, что к словам её друга не прислушались. Разве так сложно выкинуть камень? От неё Лёша всегда требует большего: будь добрее, не завидуй, думай о внутреннем мире, а не о внешнем, не считай себя лучше других... И со словами «Ну всё!» она выдернула из руки Гриши этот глупый камень и отшвырнула на обочину.

– Блин, больно! – вскрикнул Гриша и поднёс к лицу ладонь. На месте линии жизни появилась глубокая царапина, проступила кровь.

– Ой, прости!

Такого она не ожидала. Да, порой Гриша раздражал её своей незначительностью, тусклыми каштановыми волосами, бесформенным телом. Хотелось прикрикнуть: «Соберись! Будь как другие парни! Чтоб я смотрела на тебя с желанием, а не жалостью», но это были как раз те мысли, за которые её ругал Лёша. И конечно же, вредить Грише она не собиралась.

Однако царапина появилась ясно по чьей вине. Лиза вжала голову в плечи, ожидая, что её заклюют. «От тебя одни проблемы», – в мысли вклинился мамин голос. Вряд ли Маша удержится от подколов, а Дима будет недоволен, ведь его подопечный пострадал. На правах её бывшего скажет: вот, мол, из-за подобных выходов мы с тобой больше не вместе. К счастью, все промолчали, и Лиза расслабилась: «Люди вообще относятся к тебе лучше, чем ты заслуживаешь».

Пока Гриша, морща веснушчатый нос, пытался зажать кулак так, чтобы остановилась кровь и ни капли не попало на футболку, к ним подошла какая-то светлая фигура. Обернувшись, Лиза увидела девушку в лёгком белом платье до пят и оторопела: в прошлые разы они не встречали в слободке ни души и шутили даже, что это посёлок-призрак.

– Вижу, вам нужна помощь, – сказала незнакомка. – У меня есть, чем перевязать. Идёмте.

Все промолчали, насторожённые. Лиза окинула девушку оценивающим взглядом. Под свободно сидящим платьем была видна женственная фигура – песочные часы. Взгляд притягивали волнистые, медного цвета волосы незнакомки, тёмно-карие глаза. Но больше всего поражали безупречно правильные черты, словно у первой женщины на Земле. Такое лицо легко было полюбить и столь же легко – не узнать, увидев во второй раз. Она не надела украшений, даже самых скромных, но аккуратные уши, выступающие ключицы странным образом бросались в глаза – её природные серьги и ожерелье. Незнакомка одновременно казалась всеми женщинами на свете и ни одной из них.

– Мне вовсе не сложно, – настаивала она.

– Я за, – поддержал Дима. – Гриш, что думаешь? А то пикник впереди...

«Диме понравилась девушка? – Лиза толком не знала, почему об этом думает. – Ну ясно, понравилась. Сейчас парни начнут друг с другом тягаться, и лучше им не мешать, а то скажут, что я всю малину испортила. Пусть облажаются самостоятельно». Она перевела глаза на Лёшу и с удовлетворением получила ответный взгляд. В этой зелёной заводи плавалось спокойнее. Смотрела бы и смотрела.

Тем временем незнакомка обратилась лично к ней:

– Пойдём, дом недалеко, и там есть всё, что нужно.

Лиза была не прочь посмотреть, как выглядит слободка изнутри, а кроме того, чувствовала себя виноватой перед Гришей, потому согласилась. Однако просьба пришла не по адресу: Дима, Влад вызвались бы охотнее. «Какое слабое у неё чутьё, разве не видит, сколько помощничков пропадает?»

Девушка повела их во внутренний двор по тропинке между двухэтажками – самыми большими домами в слободке. На подоле её платья блестели белые, вышитые гладью цветы, и дорожная пыль не садилась на них. «Идёт так уверенно, – подумала Лиза, и следом появилась вторая мысль, будто бы чужая: – Она тут хозяйка, хозяйка этой слободки».

Воздух стал более душным и влажным, будто они вошли в теплицу, а вдоль тропинки росла слишком уж зелёная, не пожелтевшая на солнце трава. Встречались чёрные участки, где кто-то жёг корзинку с зерном, кусочки хлеба, муку, обрывок простыни. В другом месте лежал бокал с несколькими каплями вина. Ещё дальше – отвратительного вида кишки, которые, возможно, и привлекали собак. Остальное, видимо, поглотил огонь. Непонятно: были ли то странные подношения или проделки туристов.

Они обогнули несколько построек и подошли к небольшому дому из ракушечника с двухскатной крышей. Стены были сложены из неровных камней со сколотыми углами. «С раскопок, что ли, натаскали?» – улыбнулась Лиза. Окна бликовали в лучах заката, коричневые рамы облупились, как и тёмная дверь, на крыльце не хватало перил. Здесь мог жить кто угодно, только не это изящное создание с глубокими карими глазами. «Если... нет, когда у меня будет своя квартира или дом, всё в ней будет говорить обо мне. – решила Лиза. – О моём вкусе и благополучии».

Новая знакомая неспешно отперла дверь и жестом пригласила их внутрь. Жилище выглядело крохотным: один вход, два окна. Разве может здесь скрываться опасность?

Дом состоял из единственной комнаты, и когда Лиза с Гришей проследовали за хозяйкой, остальные, чтобы не тесниться, остались снаружи. Оказавшись совсем близко от девушки в белом, Лиза почувствовала сладкий запах, исходящий от её волос. «Надеюсь, мои духи не такие приторные», – она мысленно сделала пометку «спросить у младшего брата».

Обстановка дома выглядела какой-то неправильной. На кровать у стены нельзя было лечь, потому что подход к ней перекрывал письменный стол. Перед шкафом, блокируя дверцы, стоял стул. На столике у окна, покрытый лохмотьями пыли, валялся клубок украшений и прочей мелочёвки. Судя по тусклым золотым отблескам, среди безделушек могло оказаться что-то ценное. На углу лежал увесистый гребень, расцвеченный короной крошечных алых камешков. Красивый. Лиза невольно подалась к нему, хотя её тёмно-русые гладкие волосы, едва достающие до плеч, не удержали бы такую ношу.

– Возьми бинт. – Голос хозяйки привёл её в чувства.

Лиза с трудом оторвала взгляд от украшений и сосредоточила внимание на белом свёртке на другом конце столика. Она подошла, разделалась с аптечной упаковкой и, подозвав Гришу, стала неумело заматывать ему ладонь. Чувство вины поутихло, и теперь нежностей он не дожждётся. Подумаешь, царапина! Парень, способный ей понравиться, обошёл бы без бинтов.

Её любопытство поиссякло, и пора было уходить из этого странного места. «Ни холодильника, ни плиты... – Лиза поглядывала по сторонам и потому перебинтовала Гришу так, что бедняга не мог согнуть пальцы. – А запах нежилой, как в пустом гараже или лодочном сарае».

Хозяйка взяла со стола гребень и начала расхаживать по комнате, расчёсывая волосы. Лиза заволновалась: «Неужели заметила, что я положила на него глаз?» – и сказала:

– Большое спасибо за помощь, мы пойдём.

Гриша рванул к двери, будто давно ждал команды.

– Да, конечно, можете уйти... – Хозяйка посторонилась, пропуская его к выходу, а затем обратилась к Лизе: – но разве ты не хочешь взять что-нибудь на память?

– Чт...чего?

– Выбирай.

Лиза инстинктивно повернулась к столику: брать она, само собой, ничего не станет, но раз предлагают, то можно хотя бы полюбоваться ожерельями, и браслетами, и поясом с резной бляшкой, и крупными булавками, которыми закалывают плащи, и... Как эти штуки называются? Должно быть, стоят больше дома, даже если камешки поддельные. Пока она любовалась украшениями, хозяйка подошла со спины и сунула что-то холодное ей в кулак.

Лиза поднесла руку к лицу и ахнула, увидев золотую монету с шестью насечками в форме цветка. Толстенькая, с неровными краями, отчеканенная старым способом, каким владели древние народы. На ладони ощущалась приятная тяжесть.

Пока Лиза недоумевала, щёлкнул замок. Она вздрогнула, как от взрыва петарды. Гриша успел выскользнуть на улицу, хозяйка исчезла, комната была пуста.

Лиза подбежала к двери, ухватилась за дверную ручку двумя руками, но та, очевидно, заклинила. «Глупо, как глупо, – паника пока была безмолвной, хотя уже хотелось кричать что есть мочи. – Вдруг это аферистка, скажет потом: я её вещички украла».

Послышался глухой удар по двери, и Лиза перебежала к окну: это Дима ломился снаружи, напирая на доски плечом. Друзья поняли: она в беде. Лиза открыла узкую форточку, в которую можно было просунуть разве что руку, и услышала их восклицания.

– Всё в порядке?! – На красноватых щеках Лёши уже ходили желваки. – Что стряслось?

– Она с вами?! – закричала Лиза. – Пусть сейчас же откроет!

– Как это с нами? – отозвалась Маша. – Никто, кроме Гриши, не выходил.

Лиза прижалась к окну спиной, распласталась по стеклу, чувствуя себя наколотой на булавку бабочкой. Взгляд её бегал по комнате. Не было ни других дверей, ни лестницы на чердак – только люк в полу, но вряд ли хозяйка успела за пару секунд соскользнуть в погреб.

– Можешь открыть окно? – Слова Лёши вернули Лизе самообладание.

Она подёргала за латунные ручки, затем попробовала пошатать оконные рамы, но дерево сидело крепко. Только ноготь сломала.

– Не могу!

Она прошлась по комнате: заглянула под кровать, в шкаф. Везде пусто, будто в доме никто не живёт.

– Куда ж эта... – пробормотала Лиза себе под нос, и следом в голове появилась странная, чужая мысль: – «Хозяйка где-то под домом». – Ладони стали липкими от страха, и она сунула влажную монету в свою маленькую сумочку на цепочке.

– В подвале посмотри! – крикнула Маша.

И Лиза не сомневалась, что подруга так бы и сделала. Мало того: нашла бы хозяйку, зажала в углу, отвела душу. Маша не боялась ничего, кроме чужой жалости, и надеялась только на себя. Как ни странно, из-за этого они год назад и рассорились.

В тот роковой для их дружбы день Лиза впервые пришла к Маше на ночёвку. Она уже бывала в квартире пару раз, но только днём, когда Машиных родителей не было дома. В прихожей подруга сказала, как бы между прочим: «Иногда дядя Петя некрасиво шутит». Лиза тогда не поняла, к чему она клонит: «Ты же говорила, папа с мамой на работе». Подруга кивнула: «Да, мама на смене, а отчим должен вернуться к полуночи, но к тому времени мы уже уйдём в комнату».

Они расположились на кухне. Обои у двери сильно обтрепались: похоже, домашние, проходя мимо, цепляли угол плечом. Самое истёртое место было заклеено газетами. Другие стены покрывал фартук из бледно-жёлтой плитки, вымытой до блеска. Дверцы белых шкафчиков искрошились на торцах. Над чистой раковиной висела связка красного ялтинского лука. Между холодильником и кухонной тумбой было втиснуто несколько противней. Ещё один, накрытый фольгой, источающий божественный тёплый аромат, стоял на плите.

Поначалу всё шло отлично. Лиза быстро расслабилась и сумела высказаться: объяснить, почему, как ей кажется, Дима вытер об неё ноги и этого никогда нельзя будет простить. Поплакала даже. Маша подавала с противеня горячие сырные палочки, которые испекла специально для посиделок, и вроде бы сочувствовала.

Лиза уже забыла: то ли они засиделись за полночь, то ли Машин отчим нагрязнул раньше. Звонок в дверь застал их врасплох.

– Блин, так и знала! – воскликнула подруга, сгребла оставшееся печенье в фольгу и выкинула в мусорку.

Звонок прозвучал во второй раз. Послышалось шуршание ключа, но пришедшему не удавалось справиться с дверью. Маша поплелась открывать, и как только мужчина вошёл в квартиру, Лиза почуяла запах алкоголя. Из-за маминых ухажёров она определяла его с лёту. Надежда, что Машин отчим закроется в большой комнате, сразу не оправдалась. По тому, как засуетилась подруга, доставая из холодильника еду, стало ясно: он направится в кухню.

– На те! Идёшь домой, думаешь, тут одна шлюха, а их две! – Он привалился к дверному косяку, перегородив проход.

Лиза начала понимать, что значит «некрасиво шутит». Не обращая внимания на его выпад, Маша крутилась у плиты. Подруга прервалась на секунду, дёрнула Лизу за плечо, очевидно, чтобы выставить её вон из кухни. Кое-как, задержав дыхание, дрожа, она протиснулась мимо грузного лысого мужчины.

– Идешь, будто тебя раскорячили, – сказал он, когда Лиза уже неслась в Машину комнату.

Хотя она закрылась, трёхэтажная ругань с кухни слышалась отчётливо. Теперь казалось, запах алкоголя сочится из стен, им пропитана мебель, покрывало, одежда, и с помощью волшебной выпечки подруга лишь недолго могла держать его в узде.

Лиза села на стул, приставленный к кровати, и замерла. Маша прислуживала за ужином, а отчим крыл её даже с набитым ртом и, судя по перепалке, подливал себе ещё. Подруга просила перестать и, похоже, уронила бутылку. «Или разбила... специально?!» – Лиза похолодела от ужаса. Завязалась возня, потом послышался звонкий шлепок. Наступила тишина.

«Неужели ударил?» – испугалась Лиза и, недолго думая, схватила телефон и позвонила в полицию. Оператор ответил быстро. Она затараторила, готовая расплакаться:

– Здравствуйте, приезжайте, пожалуйста, на Будённого...

Лиза совсем забыла об убойной слышимости, потому, когда дядя Петя одним резким движением сорвал дверь с щеколды, слова застряли у неё в горле.

– Какого хера ты делаешь?

Она пробормотала только: «Хочу домой», и бросилась прочь, как мокрая кошка. Кое-как прорвалась к выходу, глянула на красную Машину щёку, сухие жёсткие глаза, выбежала в подъезд и дальше наперерез через ночной двор, не оглядываясь.

Однако худшее случилось наутро: Лиза рассказала о произошедшем друзьям, свято веря, что в их компании принято делиться всем. Маша, когда узнала, вызвала на разговор: «Потвоему я виновата, что отчим пьёт?» Лиза сперва не поняла вопроса. «Нет? И всё же ты решила меня наказать». Лиза стала оправдываться, но впустую. «Влад отвёл меня в сторону, сказал: зови, если будет плохо». «Вот! – обрадовалась Лиза. – Ты ему нравишься». Маша скривилась: «Ты всё испортила. Не только Дима умеет вытирать об людей ноги».

А через неделю двор потрясла другая история: как Лиза провела ночь на улице, когда к матери пришёл любовник. Откуда взялась сплетня, догадаться было нетрудно: Маша рассказала. Хотя подруга могла бы ранить Лизу и больше: стоило лишь рассказать Владу или Грише, как нагноилась у бедняжки любовная рана. Через двоюродного брата или друга отголоски желчных признаний докатились бы до Димы, и от стыда Лиза провалилась бы в керченские катакомбы. Думала бы, думала, думала, что Дима узнал о её страданиях и остался доволен собой. Однако Маша сжалилась и не проговорила. Позже они обменялись извинениями, но доверие так и не вернулось. Лиза скучала по прежней дружбе.

Теперь же Маша, не прощавшая слабости ни себе, ни другим, кричала ей, забившейся в угол чужого дома:

– Посмотри в подвале, хорош трусить!

И Лиза почувствовала, что не сможет попросить друзей вызвать полицию, разбить окно или выломать дверь. Это значило бы испортить всем вечер, к тому же, посвящённый Диме. У неё едва ли было такое право.

Лёша указал пальцем себе под ноги и сообщил:

– Внизу есть окно в подвал. Открывается изнутри. Ты бы пролезла, ты худенькая, но я не знаю...

– А какие ещё у неё варианты? – хмыкнула Маша.

– Ладно, – буркнула Лиза. – Ладно!

Она подошла к люку в полу, подобрала рукой подол платья и присела на корточки. Деревянная крышка была совершенно гладкой: ни ручки, ни кольца, ни выемки. И как хозяйка так быстро исчезла?

Лиза сломала второй ноготь, прежде чем лаз всё-таки открылся. Повеяло густым сладковатым ароматом с ноткой плесени и сырости. «Картошка гниёт, – успокоила себя она. – Надеюсь, самое ужасное, что меня ждёт, – заваленный хламом подвал». Правда, ни мешков с картошкой, ни других съестных припасов или закаток видно не было.

– Эй! Вы где? – позвала она. Вопрос остался без ответа. «Откуда мне знать, что их внизу не сорок? Я ничего не знаю об этом месте. Ничего!»

В противоположность Маше, Лиза предпочитала опираться не на внутренние силы, а на других людей. Ей нравилось вызывать у окружающих любовь и зависть. Нравилось напиткиваться восхищёнными взглядами. Попади в ловушку ещё хотя бы один человек, даже Дима, и ей не пришлось бы идти в подвал первой. Но что уж поделаешь.

Деревянная крышка открылась с большим трудом: из-за удерживающей её ржавой пружины. Лиза нехотя свесила в проём обе ноги и нащупала перекладину стремянки. В груди закручивался смерч беспомощности и злобы. Лиза не стремилась познать собственную натуру: кто знает, на что способен человек, если его загнали в тупик? Вон, Лёша вечно погружён во внутренний мир и много ли счастья он обрёл?

Она перенесла вес на стремянку и спустилась на несколько ступенек вниз. Краем глаза заметила что-то белое на уровне пола и когда стала поворачиваться, чтобы это рассмотреть, крышка захлопнулась, больно ударив по темечку. Лиза попыталась приподнять её снова, но пружина больше не поддавалась. Может, то была уже не пружина, а окаменелая ископаемая многоножка. Вторая многоножка ползала вдоль позвоночника, или это просто был страх?

«Что я делаю?» Боясь, не нападёт ли кто-нибудь со спины, Лиза стала спускаться по стремянке как можно быстрее. Ладони, влажные от страха, скользили по деревяшкам. «Сейчас упаду!» – Она испугалась, что свалится на пол *или на что-то ещё*, пахнущее гнилой картошкой.

Кажется, где-то рядом текла подземная река. Из глубины подвала доносилось журчание.

Когда Лиза ступила на землю, с головы до пят её окутал влажный, приторно-сладкий воздух. Она достала телефон, включила «фонарик», чтобы осмотреться. И неважно, что заряд батареи начал быстро уменьшаться, приближая миг, когда она останется в темноте и без связи. Свет дарил ложное ощущение безопасности.

Пустая комнатуха два на два метра с глиняными стенами освещалась также продолговатой форточкой под потолком. Правда, большая часть окна находилась в соседнем помещении, отделённом перегородкой. За стеклом появилось Лёшино лицо, и он жестом указал, что надо попасть в другую комнату.

«Что-то не так с этим подвалом, – подумала Лиза. – Почему он больше самого дома?» На трясущихся ногах она вошла в узкий наклонный коридор, ведущий, кажется, вдоль боковой стены куда-то за пределы здания. В темноту.

Пол здесь странно пружинил. Словно идёшь по губке для мытья посуды. «Или это всё-таки картошка... Гнилое картофельное пюре».

Она освещала себе путь телефоном и твердила, что оборачиваться не станет: «Ищи выход, не отвлекайся». Понимала: стоит дать мыслям волю, и до истерики недалеко. Однако полностью отрешиться от ощущений не получилось. Послышались слова, от которых встали дыбом волоски на руках:

– Сюда-а, Ли-иза.

Живот болезненно скрутило, и она стояла, замерев, пока не поняла, что исковерканный эхом голос ей хорошо знаком: это Лёша пытался вывести её к окну. Лиза пошла на звук своего имени. Меж тем сладкий запах усилился.

Коридор привёл её в большой зал, где воздух был влажным, слышался далёкий шум подземной реки, и в глубине высилась белая массивная каменная арка. Высвечивая телефоном пустой проём, Лиза попятилась, налетела спиной на стену и продолжила путь, уже боком.

Сперва она не хотела замечать, что пальцев ног касается что-то мягкое, словно идёшь по отсыревшим листьям.

Она направила луч «фонарика» на свои ноги и едва не уронила телефон: земляной пол покрывали цветы. Дикие нарциссы со светло-жёлтыми сердцевинками и шестью острыми, узкими лепестками. Белые бутоны раскрылись так, будто стояло полуденное солнце.

Ненадолго забыв о страхе, Лиза присела на корточки, чтобы их рассмотреть: листьев под лепестками не нашла, стебли были короткими, как у фиалок, кое-где торчали коричневые корни, идущие от цветка к цветку, словно грибница. И вот ещё странность: бутоны, на которые падал свет, начали *закрываться*.

Лизу пробрало до дрожи: «Чем же надо поливать цветы, чтобы они цвели в темноте?» Хотя она всегда верила, что мир не объяснить только наукой, одно дело верить, другое – вдыхать этот сладкий удушающий запах, чувствовать, как лепестки касаются пальцев ног, и из всех сил стараться не лишиться чувств от страха.

Лиза, всё ещё сидя на корточках, разобрала за шумом воды тихий многоголосый шёпот, стелящийся по полу. *Это был точно не Лёша*. Голоса твердили короткие слова, в которых повторялось «-на», «-на», «-на»... Точнее Лизе различить не удавалось.

Она снова перевела «фонарик» на арку, и на этот раз та оказалась *не пустой*.

Там, увязнув в грибнице по пояс, стояла хозяйка слободки. Похожая на статую, неподвижная, неживая. Как долго она наблюдает?

Лиза подскочила, бросилась в сторону второго коридора, ведущего к окну. Теперь она поняла, что за странное белое пятно видела со стремянки – торчащее из пола лицо хозяйки.

Двигаться вперёд всё-таки было лучше, чем назад. Она вела рукой по стене, хотя та местами поросла паутиной – пауки сейчас пугали её меньше всего. Как вдруг пальцы провалились в дыру. Лиза покачнулась, но удержала равновесие. В этом месте обнаружилась глубокая горизонтальная ниша. К счастью, пустая. Неспроста, ох, неспроста, она была длиной в человеческий рост. Чтобы спать или хоронить? Спать или хоронить, спать или хоронить...

Лиза-Элли мчалась через *маковое поле*. Притормозила лишь, чтобы свернуть налево, куда звал Лёшин голос. И хотя обещала себе не оборачиваться, напоследок посмотрела за спину. Хозяйка слободки, теперь показавшаяся в полный рост, следила за ней из арки с каменной улыбкой. Хозяйка покачнула головой, будто спрашивая: «Ну как тебе тут? Понравилось?» Лизу, ошалелую от страха, дёрнул злой, бесконтрольный импульс – левая рука как бы сама собой поднялась, отогнулся средний палец. Показав «фак», она почувствовала себя лучше. Однако ужас толкал её прочь. Лиза проскочила коридор, ввалилась в маленькую квадратную комнату, почти такую же, как та первая, подвальная. Носком ноги зацепилась за тряпку. На полу лежали груды потрёпанной, выгоревшей женской одежды. В иных обстоятельствах Лизу возмутило бы такое отношение к гардеробу, но сейчас все мысли сосредоточились на окне. Она дёрнула за ручку, распахнула форточку. На волосы посыпалась труха, пахнул ветер.

– Слава богу. – Судя по тону Лёши, наверху все тоже перенервничали.

– Дай я, – сказал Дима, взял её за запястья, приподнял, подтянул.

Едва оттолкнувшись от земли, Лиза инстинктивно поджала ноги, чтобы никто не схватил снизу. По щиколоткам полоснул холодок. Стукнувшись о раму коленками, она повалилась в чёрную траву. Дима встал рядом, тяжело дыша. Лиза с интересом посмотрела на его лоб, на котором от напряжения заиграли морщины, и отметила: впервые за сегодня он проявил к ней какие-то эмоции. И впервые с расставания тоже, если так считать. Ужас от пережитого в подвале был пока свежим, а страх перед общением с Димой глубоко укоренился в её сердце. И что за цветы способны вырасти на такой почве?

Она взглянула на свои руки: на пальцах остался липкий чёрно-серый порошок. «Наверное, грязь из ниши». Лиза начала тереть ладонью о ладонь со всё возрастающей паникой. *Что, если в грязи есть споры?*

Остальным уже, должно быть, стало заметно её странное поведение. Лёша, со своим обычным хмурым выражением на лице, открыл пакет, который нёс из супермаркета, и достал бутылку воды.

– Дай сюда руки. – Бросив пакет на землю, он лил ей на ладони газировку, а второй рукой бережно оттирал грязь.

– Какой ты нежный, – не сдержалась она. – Даже мамочка обо мне так не заботится.

– Знаю.

Вот же блин! Обернул шутку в разговор о её ветреной матери. От Лёшиной понятливости порой делалось больно. Друг словно жил у неё в голове: умел залечить сердце как никто другой, но мог и ранить, если б только захотел.

– Пойдёмте скорее, – обратилась она к компании. – Здесь жутко.

Друзья послушались, но шли медленно, то и дело набрасываясь на неё с вопросами. Лиза ответила не раньше, чем Дом подземных цветов скрылся из виду. Тогда она нашла в себе силы говорить:

– Я думала, в подвале гнилью пахнет, сладко так... а это цветы.

Потом ей, конечно, пришлось рассказать всё по порядку.

– А девушку ты нашла? – уточнил Лёша.

Лиза покачала головой: не понравилась ей улыбка хозяйки, не хотелось о произошедшем говорить.

– Она ничё такая, – сказал Влад. – Красивая. – Маша громко фыркнула, в её лице промелькнула тень уязвлённой гордости, и Лиза задалась вопросом: неужели детское увлечение Владом ещё живо? Как жаль, что она потеряла Машину дружбу, а вместе с тем и право лезть в душу.

– Для тебя, может, девушка и норм, а для нас старовата, – возразил двоюродному брату Дима и подмигнул: – Да, Гриш?

Лиза едва не рассмеялась: подражая Владу, её бывший мог, конечно, строить из себя обольстителя, но, зная, как хаотичны и непоследовательны Димины ухаживания, легко было предположить: с девушками у него ни до, ни после неё не клеилось и дома, в Казани, его никто не ждёт. По крайней мере, ей нравилось так думать.

– Я так и не понял, сколько ей лет, – продолжил Влад. – То ли двадцать, то ли сорок. Она, наверное, из тех, кто почти не стареет.

– Может, слободка – как консервная банка? – усмехнулась Маша. – Здесь годами ничего не меняется. У местных на головах, может, Керченский мост построят, а они и не заметят.

– Думаешь, мост тут будет? – удивился Дима.

– Пока неизвестно. Слухи.

Лиза хотела бы оказаться в безопасности бабушкиной квартиры, но идти обратно через посёлок была сейчас неспособна. Она решила подстроиться под окружающих и притвориться, будто с ней всё в порядке.

За Цементной слободкой дорога изгибалась вправо и шла параллельно морю. От обрыва её отделял поросший редким сухостоем пустырь, где в светлое время суток паслись козы и лошади, а в тёмное – останавливались с палаткой прибудившиеся туристы. Оползни год за годом грызли его по краю, но никак не могли проглотить целиком. Земля крошилась, будто песочное тесто.

Море лежало за обрывом огромной тёмной глыбой, и поверхность его казалась выпуклой линзой, которая, приближая звёзды, вбирает их холодный свет. К утру вода успеет остынуть.

– Ищите место для костра, – скомандовал Лёша.

Лиза шла по высокой траве, пришибленная, без конца думая о пустой нише в подвале и странной грязи, смытой с пальцев. В душе плескалась мутная вода, не было настроения ни

веселиться, ни шуметь. К тому же вечер выдался на редкость тихий. Казалось, волны отхлынули от берега Крыма и устремились к Тамани по ту сторону пролива.

Скоро она набрела на старое пепелище и окликнула друзей:

– Нашла! Давайте тут сядем.

Кто-то уже жёг здесь костёр: трава была выдернута, в золе виднелись угольки, а вокруг прогалины, словно на языческом капище, лежали валуны. Камней как раз хватало, чтобы все могли рассестись. Лёша нашёл рядом кирпичи, умело, как и полагается будущему геологу, не раз ездившему в экспедиции от университета, соорудил импровизированный мангал и начал колдовать над огнём. Лиза следила за ним, заворожённая. Вдруг её локтя коснулся Дима.

– Лиза, садись сюда. – Он уже расположился на одном из камней и смотрел на неё снизу вверх. Предлагал место подле себя. От прикосновения, обращения, взгляда, таких мягких, Лизу прошиб холодный пот. Её болезненная реакция на бывшего мало чем отличалась от обычного страха. Пугал даже не Дима, а чувство, что она теряет контроль над собственными эмоциями.

– Спасибо, но я уже выбрала, куда сяду. – Она перешла на противоположную сторону от костра, встала за Лёшей. И так, чтобы видеть слободку.

Она взяла с земли пакет и выдала каждому из компании по жирной, лоснящейся сардельке, и наколов их на веточки, все склонились над костром. Вскоре запахло мясным соком, и это было куда приятнее, чем сладкий аромат подземных цветов.

– Гляньте! – Маша махнула рукой в сторону бледно-оранжевого дома с треугольной крышей, ближайшего к ним. – Кусты светятся, офигеть как. Светляков полно, – она привстала.

– Не ходи, – предостерёг Лёша.

– Почему?

– Видишь, как они светятся? Один, а рядом второй. Один и второй. Это глаза мертвецов из земли смотрят.

– Тю блин! – вскрикнула Маша, когда её сарделька, соскользнув, упала в огонь. Лиза передала ей другую.

Лёша только пожал плечами:

– Мне так брат в детстве говорил.

«Это Слава-то, самоубийца? – Лиза поёжилась. – Нашёл кого вспомнить». Она терпеть не могла, когда друг ставил брата в пример. Разве можно верить на слово человеку, который так кончил? Всё равно что слушать, как её мать рассуждает о семейном счастье.

Какое-то время слышалось только похрустывание одноразовых тарелок из дешёвого пластика и шум прибоя. Лиза, сидевшая спиной к морю, с тревогой смотрела на дома слободки. Чтобы отвлечься, она представила друзей в виде бумажных кукол и мысленно стала подбирать одежду, которая выразила бы их характер.

Диму мало красила чёрная футболка с надписью Scorpions и шорты выше колена. Другое дело – образ ковбоя. Ему бы пошла свободная клетчатая рубашка с подвёрнутыми до локтей рукавами, узкие светлые джинсы, фетровая шляпа. Одежда, подчёркивающая его порывистость, отвагу, склонность к риску. Впрочем, эти качества Лиза видела в нём раньше – влюблёнными глазами, теперь же обида превратила все достоинства в один большой недостаток: ненадёжность. Ковбойской шляпой удобно махать, когда, спасаясь от ответственности, скачешь за горизонт.

Лёшу смешно было представлять в сутане с белым воротничком. В таком образе его «проповеди» звучали бы внушительно, но не слишком. В шуршании подола слышалась бы ироничная нотка. И Лиза перестала бы гадать, почему он не добивается её как девушки – это всё чёртов обет безбрачия! А так ей приходилось мириться с ролью подруги. Без объяснения причин.

Влад интересовал её меньше. С его долговязым, жилистым телом бегуна, смуглым скуластым лицом не стоило снимать спортивную форму. Ничто другое не подходило ему лучше...

Гришу же было тяжело представить в другой одежде, ведь он никогда не старался выглядеть элегантно и легко надевал самые абсурдные костюмы, если находил повод. Лиза изо всех сил пыталась думать о бумажных куклах, но мысли разбегались по углам, как тараканы, и в голове становилось просторно и звеняще, пустоту заполняла тревога, и вот уже Лиза, содрогаясь с головы до ног, во все глаза смотрела на слободку, а в ушах стоял шум подземной реки.

– Мне до сих пор не по себе, – призналась она, прервав неспешный разговор друзей, который с самого начала не слушала. – Может, клин клином выбьем? Лёша мне одну страшилку рассказывал... Расскажешь ещё раз?

Они обменялись взглядами. Лиза уже заволновалась, что сболтнула доверенный ей секрет, как в случае с Машей, но друг, судя по его спокойной, грустной улыбке, не обиделся. Лёша многое спускал ей с рук.

Он отложил надкушенную сардельку на тарелку и придвинулся ближе к огню, чтобы даже тем, кто сидел напротив, было слышно:

– Ладно, расскажу, но это не страшилка. Чистая правда. Это произошло с моим дядей, когда он поехал в путешествие по местам, откуда родом наша семья: Ленинградской области и Карелии.

Подбирая слова, Лёша крутил намотанные на запястье чётки.

– В Петрозаводске есть одно странное место. Холм, который местные называют курганом. Хотя вряд ли там кто-то похоронен. На вершине – горнолыжная база. У подножия течёт, бурлит река. Вода в ней цвета вишнёвого сока.

– О, сгущаешь краски! – усмехнулась Маша.

– Рассказываю, как было. Верить или нет – уже ваше дело. Так вот, через эту реку переброшен деревянный мост. От него лыжная трасса поднимается на холм. В июле трасса становится грунтовой дорогой, присыпанной опилками.

Дядя оказался у реки незадолго до темноты и к тому же один: заблудился в окрестностях кургана, а встречная женщина подсказала, что за холмом есть троллейбусная остановка.

У моста дядя остановился, глянул на алую воду. В реке, помимо луны, отражались светящиеся круги. Два дрожащих пятна. На разном уровне, не похоже на фары автомобиля. Лучи шли откуда-то с противоположного берега.

Он решил, что кто-то поставил палатку у воды, и в сторону реки бьёт свет их фонарей. Не обратил на пятна особого внимания и пошёл по грунтовой дороге.

Опилки шуршали под ногами, дул ветер, и всё бы ничего, но по левую руку, среди деревьев, мелькал тот самый свет. Сперва дядя подумал, что ещё недостаточно отошёл от реки, потому кажется, будто блуждающие огни следуют за ним по пятам.

Но чем выше он поднимался, тем ближе становилось свечение, и у него расшалились нервы. Дядя ускорился, однако лесополоса никак не кончалась, а подъём становился всё тяжелее. Он хотел выйти к базе, где, как ему казалось, было безопаснее, но за пару метров до цели из-за сосен и ёлок появился ослепляющий свет.

Дядя мало что запомнил: лишь как похолодело в груди, а дыхание стало выходить изо рта облачками пара. И это в июле!

Когда он наконец выбрался к остановке, прошло уже трое суток. Друзья организовали поиски и даже поднимались на курган, но не нашли там и следа. Сам дядя мог рассказать только, как прислонился к дереву, пытаясь противиться холоду, и сполз по стволу на землю...

– И всё? – спросила Маша. – Больше ничего не помнит?

– Ничего.

Лёша замолчал, о чём-то задумавшись, и кое-кто даже решил вернуться к еде, когда он добавил:

– Но дядя умер через два месяца. Сердце и лёгкие одновременно отказали.

– Спился?

– Логично, но нет. Он трезвенником был. У нас в семье все до тошноты принципиальные.

Лёша снова умолк. Трое из компании уже жевали сардельки, а Маша пошла к общему пакету с продуктами – раздать пончики, которые сама испекла, но Лиза всё ещё смотрела на друга, ведь знала: он не закончил. В этот раз история звучала немного иначе: раньше он не упоминал, что фонарей было два. «И сейчас чего-то недоговаривает».

– Нет, он не пил, – повторил Лёша. – Но в последние месяцы видел огни во сне. И за окном.

Тишина после его слов держалась ещё несколько минут: никто не решался заговорить, но главное – о хозяйке слободки Лиза и правда на время забыла.

Потом инициативу в разговоре перехватил Дима: отвечал на вопросы о жизни в Казани, шутил, жаловался, как скучал по Керчи и всему, что ему здесь дорого, и при этих словах выразительно смотрел на Лизу. Всё её нутро извивалось, как потревоженная гадюка.

Наконец, костёр стал угасать. Перед тем как всем отправиться домой, Маша предложила освежиться в море. Пока парни заливали угли, Лиза подошла к краю обрыва и с опаской осмотрела уступы. Даже днём желающих искупаться в районе Бочарки было немного (в основном сюда ходили слободчане и жители ближайших городских кварталов). Ночью же пляж выглядел враждебно. В свете луны проступали блестящие от воды камни. Морская пена казалась крошевом из стекла.

Когда они гурьбой спустились по тропинке, оказалось, желание купаться есть лишь у Маши и Лёши – в их глазах ещё пылали отблески костра. Подруга отдала Владу телефон и, высоко подвернув шорты, вошла в воду. Первая же волна окатила её по пояс. Лизу покорило от мысли, что и она могла попасть в нелепое положение. Машу же мокрая одежда только смешила.

Лёша тоже приблизился к воде. Сделав пару шагов вслед за ним, Лиза перепачкала в песке босоножки. Друг сунул ей в руки свою одежду.

– Уверен, что стоит?

– Да я ж пешочком, как Иисус.

– Очень смешно.

Шутить вот так, а в душе относиться к религии серьёзно – в этом был весь Лёша. Его ирония работала шиворот-навыворот – показывала, на что в жизни ему не наплевать.

Кое-как, поскользываясь на водорослях, друг преодолел полосу камней. Со спины он походил на обломок скалы, который из-за оптической иллюзии плывёт по волнам. Взгляд его устремился туда, где кончалась лунная дорожка.

Зайдя в море метров на пятнадцать, Лёша вдруг остановился, резко дёрнул плечом, развернулся. Что-то случилось. Друг пошёл обратно к берегу. Лиза не сразу поняла, что он даже не идёт, а пытается бежать, выбрасывая колени над водой. А когда поняла, Лёша поскользнулся на камне, упал, и волны шумно разошлись под его телом.

Лиза пихнула одежду друга Диме, сбросила босоножки и побежала по камням. Вымокший подол платья сразу облепил лодыжки. Она добралась до Лёши, когда он уже встал, схватила его за плечи.

– Ты в порядке?

Он выдохнул облачко белого пара, потрянул головой и глубокомысленно произнёс:

– Когда идёшь по воде, нельзя терять концентрацию. Запомни, пригодится.

– Ой, дурак...

Они направились к берегу. Лёша заметно хромал.

– Я видел, видел огни, – прошептал он ей на ухо. – Два танцующих огня, сначала вдалеке, потом ближе.

Лиза покрылась гусиной кожей, и вовсе не от прохладной воды... Друг слишком впечатлился собственными байками, вот и привиделось.

– Это же Тамань светится! – возразила она.

– Может быть.

Уже на берегу Лиза заметила кровь, струящуюся из Лёшиной коленки, и ахнула.

– Приложился о камень, ничего страшного. В чужие дома за бинтами заходить не будем.

На обратном пути, когда они покинули слободку и шли, ориентируясь на огни города вдали и прожектора у хранилищ газа, выяснилось, что на руке Гриши нет повязки. Он не мог сказать, уронил ли её возле костра, у воды или на дороге – минуту назад. Бинты словно исчезли по волшебству. К счастью, царапина уже не кровоточила.

Лёша, хотя храбрился, скоро начал отставать. Порой приходилось останавливаться, чтобы сорвать листьев и утереть ими кровь. Лиза держалась рядом. Присутствие друга дарило чувство безопасности. Ей было неважно, уйдут ли остальные далеко вперёд.

– Я должен извиниться. – Судя по тону, к Лёше вернулось шутовское настроение. – Из-за меня ты намочила платье. – И ещё он добавил тихо, заговорщицки: – Наверняка самое красивое. Сегодня ведь Дима приехал.

Лиза закатила глаза.

– А ты даже не заметил, красивое оно или нет?

Лёша помолчал пару секунд.

– Красивое. – Ей показалось, или его голос дрогнул?

– И правда, глупо вышло. За секунду до того, как сунуться в воду, я как раз думала, что ни за что бы это не сделала. – Она засмеялась над собой. Лёша тоже улыбнулся. Сейчас она вела себя, как хорошая, правильная девочка, и друг был ею доволен.

– Платью сегодня нелегко пришлось, – продолжила Лиза. – То трава, то вода, то паутина...

Говоря об этом, Лиза вспомнила про монету, которую дала хозяйка слободки, и полезла в сумочку.

– Что там у тебя? – спросил Лёша.

Она рассказала.

– Посмотри, здесь изображена голова женщины, а с другой стороны цветок.

Голова была выполнена очень искусно (прощупывалась каждая прядь волос, собранных на затылке), а цветок, напротив, схематично – шестью расходящимися лучами.

– Это не к добру, – сказал Лёша.

– Почему?

– Не люблю вещи, которые приходят сами.

– Она классная. Может, даже денег стоит. Такая тяжёлая...

– Одолжишь до завтра? – спросил друг. – Я попробую что-то разузнать.

Никому другому Лиза не доверила бы свою находку – к тому же, возможно, золотую, но Лёша, знала она, никогда не поступит ей во вред. Она без вопросов передала другу монету, и до самого дома очертания шести насечек, узких, как лепестки подземных нарциссов, стояли перед глазами, подсвеченные белым пламенем луны.

Глава 2. Старый храм

Наутро после пикника Лиза проснулась позже обычного, но младший брат, с которым она делила диван, ещё спал. Женя растянулся на постели морской звездой: одна рука лежала на потрёпанном голубом сборнике «Легенды Крыма», ногу он закинул Лизе на живот. Несколько прядей тёмно-русых волос, с тем же серебристым отливом, что у неё, прилипли к влажному лбу. Мокрый, диковатый зверёк.

День обещал быть не слишком жарким: настоящее керченское пекло обычно приходится на конец июля или начало августа.

Пока она осторожно, чтобы не разбудить брата, выбиралась из постели, в глаза опять бросились бордовые обои, которые пугали её всё детство. Из-за них комната казалась маленькой и душной (хотя была только маленькой). Лиза не помнила спальню другой: ремонт делался ещё в советское время. Похоже, страсть к экзотике родилась в бабушке давно – обои украшали африканские орнаменты. Пожелтевшие завитки складывались в злые лица. Лица муравьёв из мультика «Баранкин, будь человеком!».

Все свободные деньги бабушка откладывала на путешествия – в Тунис, Алжир, Марокко, и уж там, должно быть, удовлетворила свой интерес к экзотике... и насекомым.

От души потянувшись, Лиза, в длинной футболке и серых пижамных шортах, выглянула в коридор. Уличных шлёпок бабушки не было на месте, значит, та уже ушла на работу. На тумбочке в прихожей лежала толстая стопка питательных масок для лица, стянутая резинкой. Лиза вытащила верхнюю, с гранатом, и ей стало одновременно грустно и смешно: бабушка заказывает дешёвую косметику по каталогам и верит, что омолодится. Какой-то местный гений пустил слух, будто многие керченские женщины, особенно работающие в сфере культуры, не стареют. Может, в этом и есть доля правды, только их секрет – инъекции ботокса, а не бумажки, пропитанные гелем. Грустной же была мысль, что спустя пятьдесят лет она сама, возможно, будет заказывать маски по каталогу. Чтобы вырваться из этой мышеловки, Лиза собиралась биться до крови и, если нужно, отгрызть себе хвост – отгородиться от бабушки, мамы, даже брата, который из всей семьи её меньше всего раздражал.

Она взяла маску (чтобы освежиться – сойдёт!), вернулась в комнату, вышла на балкон. Большую часть вида со второго этажа занимали высаженные в ряд тополя. Полотно листьев рябило на ветру: зелёная сторона – белая, зелёная – белая. Из-за деревьев проглядывал внутренний двор, отделённый от остального мира пятиэтажкой-монстром на двадцать подъездов и ещё тремя обычными домами, тоже относящимися к улице Будённого. Впрочем, кооперативка, где жила бабушка и гостила Лиза, считалась «обычной» с натяжкой. Название её объяснялось тем, что дом строился в советское время на деньги будущих жильцов – сообща, кооперативно. К боку пятиэтажки примыкало бетонное возвышение с небольшой лестницей. В детстве они перелезали через оградку, ходили по стене и даже прыгали в кусты двумя метрами ниже. Потом оставались тут же, на парковке – играть в салки, бежали к железному «пауку» на площадке – сидеть на верхушке, резаться в карточный «Сундучок» или шли с футбольным мячом на «коробку». Хорошее было время. Лучшее, если честно.

Двор был целым миром, убежищем, домом, материнскими коленями, и, если не считать поездки на море, всё лето проходило в его пределах. Лёша жил в восемнадцатом, Дима с Гришей в девятнадцатом подъезде «монстра», Влад в голове этой змеи, Маша в другом корпусе кооперативки. Все они, просыпаясь, видели общую жёлто-зелёную вселенную. Сейчас Лиза вернулась на пост.

Она села на табуретку, оперлась спиной на перила балкона и взяла телефон. Как ни странно, утром ей уже звонили – в списке был один пропущенный от Лёши. Лиза нахмурилась, ожидая, пока на другой стороне двора возьмут трубку.

– Звонил?

– Да, думал, ты не спишь.

– Так и есть. Женёк дрыхнет. – Она посмотрела вглубь комнаты сквозь стеклянную дверь, чтобы убедиться, что брат ещё не проснулся. – Бабушка на работе, я одна тут маюсь.

– Помнишь вчерашнюю монету? – Судя по бодрому голосу, Лёша проснулся пару часов назад.

– Ты имеешь в виду *мою* монету? – усмехнулась Лиза. – Какие новости, Шерлок?

– Нам нужно в библиотеку.

Лиза чуть не упала с табуретки.

– Ой, брось, погуглить не можешь?

– В интернете уже смотрел, инфы мало. По местным монетам надо в книгах искать.

– М-м...

– Не хочешь узнать, сколько она стоит?

Лизе стало стыдно: она действительно размышляла, нельзя ли продать находку подороже. Лёша поймёт по паузе, что угадал.

– Ладно, библиотека, – согласилась Лиза. – Только сначала мне нужно позавтракать. Приходи, покажу тебе, как гуглить.

Предложи библиотеку кто-нибудь другой, она бы сразу отказалась. И заодно высказалась бы о своей ненависти ко всем госучреждениям на свете. Но Лёше она отказывать не умела и не хотела. Каждая минута наедине была золотой монетой.

Лиза не стала пока переодеваться – Лёша уже видел её в пижаме, не упадёт. Может, домашний, растрёпанный вид даже тронет его сердце. Она пошла в кухню и коснулась чайника – вода ещё тёплая. Другой посуды бабушка на плите не оставила, и в увешанном магнитиками холодильнике было пусто, не считая помятого глазированного сырка и четырёх яиц. У Лизы начало ломить руки от обиды и расстройств: в этом году мама почти не выслала денег на их с Женькой содержание, а бабушка тратилась неохотно. Копила на собственную жизнь.

Благо, в белом оклеенном виниловой плёнкой буфете хранилось много круп. Лиза отыскала открытую пачку макарон, завёрнутую в целлофановый пакет. Когда вода закипела, она не глядя всыпала в кастрюлю часть содержимого и отбросила упаковку на стол. Её брала досада, что даже у слободчанки грудями лежит золото, а она, уже четырнадцать лет как москвичка, вынуждена давиться макаронами!

«Каждый день, как последний», – подумала Лиза, вяло ворочая ложкой. Вспомнить, откуда это взялось в голове, получилось не сразу, но спустя пару помешиваний фраза всплыла целиком: «Каждый рабочий день бухгалтера должен заканчиваться так, как будто это его последний день», – она наткнулась на эту мантру в интернете, когда выбирала себе профессию. Поступая в университет, Лиза надеялась подобраться ближе к деньгам, и ей это почти удалось, но вот загвоздка – оказалось, деньги будут чужими.

Меркантильность не приносила ей удовольствия. Дорогая косметика, модная одежда не имели ценности сами по себе. Лиза лишь пользовалась ими, чтобы показать миру: «я не дешёвка», «не копия моей матери». Нельзя было допустить, чтобы мужчины «гостили» в её жизни неделю, месяц и сбегали, как от мамы, не оставив ничего или наградив нежеланным ребёнком. Тратя все деньги от подработок на то, чтобы превратить себя в идеал красоты и ухоженности, она надеялась на другое отношение.

Лиза искала человека, способного дать ей любовь, а главное – защиту. Когда-то им был Дима, первая добыча её неопытного сердца. После болезненного расставания чувства не исчезли, но потеряли точку приложения. Трогательная влюблённость переродилась в голодного зверя, мечущегося в груди.

Теперь зверь рвался к Лёше. Но Лиза не могла признаться себе: «Я влюбилась в друга». Это значило бы стать уязвимой и, вероятно, отвергнутой. Один неосторожный шаг, и она лиши-

лась бы единственного по-настоящему близкого человека. Стоила ли возможность поцеловать его такого риска? Однажды она уже пыталась это выяснить.

Лиза уже долго мешала ложкой в кастрюле, но лишь теперь заметила странность: на поверхности воды плавали чёрные крошки. Она присмотрелась: что это? Грязь попала? Одно, два помешивания, и со дна поднялись зёрнышки с четверть спичечной головки величиной. Всё ещё недоумевая, Лиза обернулась к столу, где валялась пустая упаковка.

Скатерть облепили чёрные жучки. По ткани, свисающей со стола, пара насекомых добрались до пола. Лиза застыла, пытаясь подавить волну тошноты. Аппетит пропал, как по щелчку. Накатила беспомощность. «Дешёвая вермишель! В фунчозе такие, небось, не водятся». Если у тебя мало денег, ты всегда притягиваешь неприятности. Быть бедным небезопасно. Лиза всего лишь хотела знать, что ничего плохого с ней не случится. Разве это криминально?

Открыв кран и взяв тряпку, она опустила на колени, чтобы отправить в слив вредителей с линолеума. «Какое унижение...» – подумала Лиза, и тут раздался птичий свист – это звонили в дверь. Она совсем забыла про Лёшу.

– Ну, рассказывай, – с порога сказал он, читая по её лицу, – с какой трагедии начался день?

– Вот. – Лиза указала на пачку вермишели, льющуюся из крана воду, кастрюлю на огне. От всей этой картины стало смешно. Узел напряжения в голове ослаб.

Уже успокоившаяся, она вылила варево из кастрюли в унитаз, пока Лёша перекладывал пачку в мусорный пакет. Потом они вместе дочистили скатерть.

– Уф, – громко выдохнула Лиза. – Позавтракала, называется. Остались только яйца. Надеюсь, не тухлые.

– Схожу пока выкину. – Лёша взял пакет и хлопнул входной дверью.

Он долго не возвращался, хотя идти до мусорки было минуты три, и Лиза, следя за яйцами на плите, погрузилась в тревожные мысли: может, Маша права? нельзя выглядеть слабой? нельзя говорить правду, если хочешь, чтобы тебя любили? К счастью, она не успела в чём-либо увериться. Вернулся Лёша – с булочками, йогуртами и отвратительной дынной жвачкой из магазина у дома «Тёма», которую из всех живущих на земле любил только Женёк. Лиза бы об этом не вспомнила. В её чувствах к растущему как сорняк брату было больше жалости, чем сестринской любви. Она знала, каково ему, но ничем не могла помочь.

– Спасибо! Ты спас это утро. – Лиза взяла себе йогурт и ложку. – Правда, Женю чересчур балуешь, но за это прощаю.

– С Днём рыбака, кстати!

– Точно!

Во второе воскресенье июля Керчь праздновала неофициальный день города. Будут дети со светящимися вертолётками, люди в тельняшках, танцоры, аниматоры и даже Нептун, разбрасывающий кульки с конфетами. В этом году День рыбака выпал на тринадцатое число. Обычно Лиза не следила за календарём на каникулах, но всю прошлую неделю она терзалась волнением, доходящим до болей в желудке, считая дни до Диминого приезда.

Поев, она закрылась в ванной. Быстро переделась в джинсовые шорты и бежевый топ с открытой спиной, подкрасилась, сделала завивку прядей у лица. Ах, если бы у неё был тот золотой гребень! Но что уж говорить...

– Надо же, причесалась, – заметил Лёша, когда она вышла.

– Почаще тебя причёсываюсь. – Лиза взъерошила его светлые, цвета выгоревшей травы, волосы.

– Сравниваешь себя с парнем, дожили. – Он покачал головой. – Всё, идём.

Город накрылся одеялом горячего воздуха. Стояла неподвижная дневная жара. Бока домов на улице Будённого ослепительно сияли белым. Керчь лежала вялая, как спящая на солнце кошка.

Послышался знакомый колокольчик, и во двор въехал молоковоз. Из подъездов, как по команде, высыпали местные жители, с бидонами и банками наперевес. При виде цистерны Лизе живо вспомнился вкус домашней брынзы. «Скоро я перестану приезжать в Керчь, – подумала она с лёгкой грустью, – но услышав перезвон вдалеке, наверняка буду искать глазами грузовичок».

Мама отсылала их с Женьком из Москвы на все летние каникулы. Первые недели отдыха Лиза не могла нарадоваться морю и общению с друзьями. Она бы поселилась здесь навсегда, если бы июль мог длиться вечно. Но как за детством приходит зрелость, так приходила и середина августа: знакомые разъезжались, все занятия надоедали, отношения портились, и Керчь превращалась в настоящее болото. «И всё-таки однажды, когда я окажусь далеко отсюда, я, наверное, буду очень по ней скучать».

Они с Лёшей свернули за дальним корпусом кооперативки и пошли по привычной дороге в направлении центра. Конечно, быстрее было бы идти вдоль шоссе, по прямой. Безусловно, они могли бы сесть на троллейбус или маршрутку. Но гораздо больше удовольствия сулила сложенная из квадратных плиток дорожка, ведущая к двенадцатой школе. А за ней – тропинка, пересекающая пустырь. «Настоящая» Керчь открывалась лишь тем, кто искал свой путь среди травы.

Это был маленький, душевный город. Здесь Лиза чувствовала себя комфортнее в чужом районе, чем в собственном подъезде в Москве. Люди присматривали друг за другом. Иногда это казалось ей милым, иногда пугающим. Идешь, бывало, по центральной улице, подходят женщины – какие-то бабушкины приятельницы, – хватают за руки, говорят, как сильно ты выросла. В супермаркете, на пляже, в кинотеатре – везде можно встретить знакомых.

Лиза родилась и жила в Керчи до пяти лет, но воспоминаний об этом времени сохранилось мало – в основном о детском саде, Диме и их общих шалостях. Потому порядки родного города нередко её шокировали. Например, то, что в их подъезде лестницу мыла не уборщица, а сами жильцы, по очереди. Как могла бабушка, согнувшись, ворочать шваброй на глазах у знакомых? Для Лизы это стало бы кошмаром наяву. Неужели не проще собрать деньги и кого-нибудь нанять?

Хотя мыслила Лиза по-московски, она не чувствовала себя чужой. Летняя поездка не походила на обычные путешествия. Лиза не искала нового – она возвращалась в свой второй дом. Пока другие дети выросли в лагере, в деревне, на даче, у неё всегда была Керчь.

Отчасти ей нравилось, что город беден. Максимум – раз в пять лет построят новый дом, перекрасят старые, переложат плитку. Панорама не меняется, как в Москве. Такому городу можно доверить своё детство. Время здесь – смола, воспоминания застывают навечно.

Примерно на середине пути до центра, когда позади остался многоэтажный корпус отеля «Меридиан», Лёша снова заговорил о монете:

– Мой отец разбирается в нумизматике. Ну и я немного.

В голове Лизы вспыхнула картинка: добрая сотня монет, лежащих на стеклянных полках серванта в Лёшиной квартире. Этот семейный клад поразил её в первый визит (всё-таки в доме священника логичнее выглядела бы коллекция икон), но на третий-четвёртый раз слился с обстановкой. Если бы Лёша не напомнил, она бы никогда не провела параллели.

– Что твой отец этим интересуется, я знала, а про себя ты никогда не говорил.

– В универе я узнал кое-какие фишки по химии и помогаю ему начищать коллекцию.

– Геодезистов этому учат?

– Так, по мелочи.

– И ты уже видел такую монету?

– Нет, эта слишком старая. Мы собираем... То есть отец собирает в основном советские, есть несколько царских. Твоя монета намного древнее. Ты не заметила, на столе лежали ещё такие?

Лиза покачала головой. Она мало что запомнила из-за испуга. На фоне роскошного гребня и прочих золотых безделушек монеты могли легко затеряться.

– Странно. Разве ты не из-за вещей там застряла?

Строгий взгляд его голубых глаз пронизывал нутро, как рентгеновские лучи. Мысль о том, что в эту секунду он думал о ней плохо, была горькой. Лиза фыркнула с видом уязвленного достоинства, хотя понимала, что её реакция безнадежно запоздала, и даже менее чуткий Дима не поверил бы сейчас в её искренность.

– Ладно, извини, – сдался Лёша.

– Как тебе Дима, кстати? – Встреча с бывшим потрясла Лизу не меньше истории с подвалом, и ей нужно было сравнить своё мнение с Лёшиным. Она уже ошибалась в суждениях прежде.

– Сильно изменился.

– К лучшему?

– Пока не знаю.

– А по-моему такой, как раньше. Самовлюблённый мудака.

Лёша вскинул брови.

– Женщина, ты же любила его?

Лиза вздрогнула.

– Никогда себе не прощу.

Друг мог сказать мягче: «ты же встречалась с ним», но он всегда предпочитал говорить то, что ближе к правде. Она действительно любила тогда. После разрыва она без конца плакала, а Лёша обнимал и говорил, что боль закончится.

– Лиза, люди меняются. Иначе в жизни не было бы смысла.

Они шли уже вдоль центральной набережной, по историческому центру города. Лиза посмотрела налево – на гору Митридат, над которой высоко поднялось солнце. На вершине работал музей под открытым небом. Археологи раскопали целый квартал античного города Пантикапея, и туристы могли сколько угодно лазать по каменным кладкам.

Керчь – самый древний город России. Древнее Дербента. И найти ответ на вопрос, какой народ мог отлить золотую монету и когда, может оказаться непросто. За двадцать шесть веков истории здесь правили греки, византийцы, турки, хазары, русы, половцы, генуэзцы, турки. С 1774 года город стал русским. По сравнению с таким богатым прошлым, переход Крымского полуострова от Украины к России – не самое драматичное событие, какое видела эта земля.

Лиза с Лёшей вышли к центральной площади: здесь была и пустая площадка с флагштоком, где в начале года подняли российский триколор, и небольшой сквер, и фонтан, и вечный огонь, и колонна с золотым грифоном – символом Керчи, и красные бордюры – визитная карточка города. От площади начиналась главная пешеходная улица, Ленина, вся тонушая в зелени. Лет десять назад все деревья вырубали наголо – сколько люди возмущались! – и представьте, высаженные на их месте платаны выросли высокими, буйными, как сорняки. Быстро протянули кроны от дома к дому. Улицу Ленина снова укрыла тень.

На солнцепёке остались стоять только белый, массивный театр имени Пушкина и гимназия имени Короленко – здание из бурого в разводах камня с угловой башней. Говорят, если зимой, в дурную погоду, присесть на его припорошённое снегом крыльцо с двумя стражами-львами по бокам и забыться на несколько минут, нос защекает от аромата горького миндаля. Если прошлое ещё не выветрилось.

В годы войны, когда Керчь оказалась в оккупации, гимназию закрыли. Вскоре комендант города, немец, издал приказ о том, что занятия возобновятся, и потому всем ученикам надлежит явиться наутро. Многие родители, предчувствуя неладное, не пустили детей на уроки, но двести сорок пять школьников всё-таки пришли. Их повезли на прогулку за город, а когда

автобусы вернулись, продрогшим детям выдали пирожки с кофе, от которого тонко пахло миндалём.

Синильная кислота быстро убила младшеньких. Тем, кто отказывался пить, комендант лично смазывал губы ваткой. Старшекласников, на которых отравы не подействовала, на тех же автобусах отвезли в Багеров ров, уже не на экскурсию – на расстрел.

Когда родители пришли забрать детей после уроков, они застали лишь грузовики с телами.

Школьники лежали юные, от яда в их остановившейся крови скопился кислород, потому щёки были нежно-розовыми, будто у спящих. И губы их ещё пахли горьким миндалём.

Историю о детях Лиза узнала от брата. Женя с необычным для мальчика десяти лет пылом интересовался краеведением. Он часто подлавливал её, начинал трещать в уши о всяческих легендах, археологических находках, тайнах. Лиза смиренно, обречённо слушала. Со стороны она, должно быть, выглядела скучающей, хотя, по правде говоря, Женины истории её задевали. Особенно ужасы, которые во время войны вытерпели защитники Аджимушкайских каменоломен. О таком даже думать было больно.

Лизе порой казалось, что странный на самом деле не Женя с его сборниками легенд, а все остальные – живут на кладбище десятков народов и не замечают! Втаптывают в землю свидетельства их славы. Ладно, она сама – далеко не образец любознательности. Но есть же люди дотошнее и серьёзнее.

Они с Лёшей шли уже по улице Ленина в сторону центральной библиотеки.

– Помнишь, в Москве, когда мы гуляли в Тёплом Стане, – спросила Лиза, – ты сказал, что больше не хочешь приезжать сюда на лето?

Лёша пожал плечами.

– Я не фанат моря.

«А помимо моря? – подумала Лиза, пока они переходили дорогу, окаймлённую алыми бордюрами. – В Керчи мы видимся чаще, чем в Москве: плюс маленького города». Она хотела услышать от Лёши, что для него это тоже важно.

– Так ты правда мог не приехать? И пропустить классное лето?

– Такое, как прошлое? Когда Дима укатил за границу, а ты сбегала плакать за трубы у Стекольного комбината?

– Всего раз.

Несправедливо упрекать её в слабости, ведь она старалась держаться изо всех сил.

– И мне потом тебя искать.

Лиза подняла на друга глаза, ища признаки эмоций на его непроницаемом лице. Может, хватит бросаться словами? Хватит играть с её чувствами? «Скажи, о чём думаешь, – взмолилась она, – а то ведь я снова решу, что тебе безразлична».

«Замолчал?»

Объект её наблюдения напустил на себя самый беспечный вид. «Когда-нибудь я наберусь смелости и спрошу прямо. Но сегодня мне нужна хотя бы дружба».

Они подошли к Центральной городской библиотеке имени Белинского. Песочного цвета фасад, красная табличка с часами работы, белые пластиковые двери. Библиотека занимала первый этаж добротного углового дома. Войдя, они увидели большой светлый холл, в центре которого располагалась лестница в подвал, похожая на подземный переход. Слева – пустой гардероб. Напротив главного крыльца – ещё одни двери, ведущие во двор дома. Все створки были распахнуты. Ветер проскальзывал в коридор, по бокам которого вереницей тянулись служебные кабинеты, и мчался до тупиковой комнаты, где хранился основной фонд. Там искать было нечего, потому Лиза сразу повернула в читальный зал по правую руку от входа.

Они прошли сквозь золотисто-зелёные советские шторы к деревянному столу, за которым сидела молодая женщина с короткими светлыми волосами. Лиза содрогнулась, увидев

её тёмно-бордовую блузку в клетку. Казалось, одежду выбирал человек на тридцать лет старше. Завидев посетителя, библиотекарша оторвалась от заполнения документов, её крупные золотые серьги-подвески затрещали, когда она поднялась со своего места.

– Вам помочь?

– Да, мы... – Лёша сунул было два пальца в карман, к монете, но, видимо, передумал, – ищем информацию о древних чеканных монетах, которые находили в Керчи.

Женщина секунд на десять задумалась, потом встала и вышла из-за стойки.

– Я уже знаю, что вам посоветовать.

Библиотекарша машинально придвинула к столу стоящий криво стул и засеменила в сторону другого кабинета. Она выглядела взволнованной: шла неловко, будто на ходулях, её юбка перекрутилась.

Лиза проводила её глазами: в дальней половине читального зала, у второй двери, рядами стояли общественные компьютеры. За столами было на удивление людно, некоторые посетители отвлеклись от дел и украдкой поглядывали на них с Лёшей. Спустя минуту-другую библиотекарша вернулась с тонкой брошюрой.

– Думаю, здесь вы найдёте всё, что нужно. Но я поищу ещё.

Поблагодарив за помощь и записав буклет на абонемент, они устроились за столом рядом с выходом. Читать, в общем-то, было немного: тридцать страниц, авторы Туровский и Ступко, «Монеты античных городов Крыма».

Нетерпеливо листая предисловие, Лёша остановился на шестой странице, где в центре, под пятым номером, находилась иллюстрация – монета почти как у них, но серебряная. Правда, здесь цветок ютился лишь на четверти реверса, а рядом были отчеканены буквы: ПАН.

«Пантикапей!» – догадалась Лиза. Античный город на горе Митридат, чья история началась в конце VII века до н. э. с греческих переселенцев, приплывших из Милета.

– Получается, монета в самом деле греческая, – сказала она. – Голова похожа один в один. А тут вот свастика.

Она указала на крест в центре круга, к длинным жерновам которого крепились буквы П, А, N и схематично изображённый цветок.

– Неудивительно, это древний символ. Когда-то означал жизнь, удачу, плодородие. Но даже добрые силы можно обратить во зло. – Лёша вернулся к брошюре. – Смотри, вот написано: «Пантикапейские монеты проходят обычную для чеканки многих греческих городов эволюцию от односторонних монет к монетам с полноценным двусторонним изображением». – Он ненадолго задумался. – То есть мы знаем, что она старая, но не старше той даты, когда здешние монеты стали двусторонними. Можно примерно прикинуть.

Они ещё полистали брошюру, рассматривая более поздние образцы, пока не наткнулись на перечень иллюстраций. Под номером пять значилось: «Пантикапей. Серебро. Конец VI в. до н.э. Женская голова вправо – в квадрате надпись ПАН и звезда. 13 мм». «Не звезда, – мысленно поправила Лиза. – Нарцисс». Ей интуитивно казалось, что между монетой и цветами в подвале есть связь.

Библиотекарша тем временем вернулась и принялась ворошить какие-то бумаги на углу стойки. Лиза и Лёша склонили друг к другу головы и шёпотом обменялись парой фраз:

– Ты это заметила?

– Что?

– Все монеты с картинок деформированы.

– Ещё бы, им двадцать пять веков.

– Но не наша.

Лёша незаметно достал находку из кармана, чтобы осмотреть её под столом. И действительно, она казалась совсем новой.

– Хорошо сохранилась? – Лиза повела плечами и подумала: – «В том и плюс золота: люди мрут, а оно вечно».

Лёша спрятал находку обратно в карман.

– Если бы она долго пролежала в земле, часть надписей бы стёрлась. А монета в идеальном состоянии. – Лёша выглядел таким оживлённым, что ей захотелось его поцеловать. Но не сейчас, ещё не сейчас.

– Ладно, – кивнула Лиза и продолжила шёпотом: – допустим, монета не с раскопок. Откуда-то ещё. Но зачем та девушка дала мне золото? Ещё и древнее? – По мнению Лизы, поступок глупее сложно было придумать.

– Как подсказку? – предположил Лёша.

Оба не заметили, как к их столу подошла библиотекарша с подборкой газет в руках. Типографская краска местами размокла и смазалась под её влажными от жары пальцами.

– Я уверена, что это тоже будет вам интересно, – сказала она и, оставив стопку на столе, удалилась.

Прежде чем закончить мысль, Лёша проследил, чтобы женщина отошла подальше:

– Может, монета на что-то указывает, например, на место или дату.

– Пантикапей, шестой век?

– Возможно. Хотя есть и более простые объяснения. Скажем, девушка из слободки нашла клад, ищет поделщиков, чтобы его сбыть, а мы почему-то ей приглянулись.

– Даже если так, не пойму, зачем раскидывать золото направо-налево, – заупрямилась Лиза.

В душе она не верила простым объяснениям. Не существует удобений, с которыми нарциссы бы цвели в полной темноте. Никакой другой подвал не ведёт к подземной реке. И девушка из слободки – кто угодно, только не обычный человек.

Взволнованные исследованием, они разложили газеты на столе и стали просматривать их по диагонали. В каждом номере «Боспора» печаталось по одной исторической заметке: знай только открывай на нужной странице. Наконец, попалась интересная: о монетах Золотой кладовой Керченского историко-культурного заповедника и о том, как местный благотворительный фонд, «Дар Деметры», помогал выкупать их у частных владельцев.

– Вот и продала бы клад этому «Дару Деметры». – Лиза ткнула пальцем в статью.

Лёша, погруженный в чтение, не ответил.

– Глянь сюда, – сказал он спустя пару минут, пододвигая к ней лист.

Весь разворот, не считая рекламной секции внизу, занимала легенда о двенадцати братьях и их сестре:

На площади Ленина, под седой горой, вросший в землю, стоит храм Иоанна Предтечи. История его началась двенадцать веков назад, в те времена, когда христиане и язычники жили бок о бок. Не было между ними мира: каждый славил свою веру, соседи сычом смотрели друг на друга.

В зажиточном доме благочестивая вдова растила детей в страхе и трепете перед единым богом. Какой бы путник ни заглядывал в город, дивился он стати её двенадцати сыновей, но мало кому доводилось повстречать их сестру – девушку кроткую, смиренную, всегда одетую в белое. Хотя братья собрали богатое приданое из золотых украшений и монет, красавица женихов сторонилась. Поговаривали, что живёт она, не поднимая глаз, и небо лишь в раю увидит.

Как пришёл матери срок преставиться, все тринадцать отпрысков явились к постели умирающей. На последнем издыхании набожная взмолилась, чтобы взяли сыноши за долото и подняли крест над заливом. Уж тогда посмирнели бы язычники, видя величие божье.

Как отлетела душа несчастной, принялись сыновья за дело, а юная сестра заменила им мать. Чуть свет отправлялись все двенадцать рыть землю, возводить крепкие стены, и не могли они думать ни о чём другом, кроме того, чтобы исполнить обет.

В тяжкий день, когда ливень едва не размыл свежую кладку, сестра нашла для них слова утешения. Радовались братья, видя, как чиста её душа. Из дня в день, из ночи в ночь готовила она еду, носила обед, управлялась с хозяйством. Бывало так, что братья, выбившиеся из сил, не могли проглотить ни куска. Тогда она омывала их усталые лица, промокала пересохшие губы.

Однажды в зной пошла она к колодцу за водой, но так занемогла, что осела на сухую землю. Мимо шёл юноша-язычник, горделивый и прекрасный, как сам Аполлон, он поднял девушку, словно травинку, и отнёс её в тень. Бедняжка хотела было противиться, но жар мужчины отогрел её лучше пламени солнца, от терпкого запаха закружилась голова, и впервые взглянула она вверх, но увидела не небо – шрам на подбородке и тёмные, дьявольские глаза.

– Прошу, оставь, – взмолилась девушка, и язычник опустил её на выжженную траву.

Многобожник ушёл, а она до вечера металась в полузабытьи. Спутались её мысли: не было в них ни светлого храма, ни заветов матери. Языки пламени лизали тело там, где коснулся его незнакомец.

О, если бы язычник сжалился над несчастной! На следующее утро, чуть братья ушли, явился он в сад, и снова потемнело у девушки в глазах.

Как не жить соколу с горлинкой, не венчаться язычнику с праведной. Втайне виделись они, у ручья за смоковницей.

– Не печалься, сестра, – говорили братья. – Скоро кончится наша работа, поднимем колокол, и полегчает у тебя на сердце.

Не знали они, как гневается на дочь всевидящая душа матери, не ведали, что перезвон уже не принесёт сестре успокоения.

Однажды в ненастье, решив, что не заладится работа, вернулись братья домой раньше обычного. Темно было в саду, но яснее ясного увидели они, как метнулась за деревья тень, а сестра их упала, опозоренная, на влажную землю.

Заблестели клинки, бросились все двенадцать в погоню, и взглядом не одарили сестру. Язычник ушёл от них за гору, чтобы затеряться в бескрайней степи. Когда ненастье отбушевало, строители вернулись, сестра застирала замаранную кровью одежду и, так и не услышав от них ни единого слова, пошла искать любимого среди полыни. Пусто было поле, лишь по холмам вилась дорожка алых маков. Последовав за цветами, девушка нашла милого израненным. Жизнь едва держалась в его теле.

Долгие дни, пока родные язычника старались излечить его, она не находила себе места. И участь бедняжки стала ещё горше, чуть открылось, отчего тяжело у неё под сердцем. Узнав, что будет ребёнок, братья отреклись от неё и выгнали из дома.

Безутешная, сестра украла монету из кувшина с приданым, направилась в языческое святилище и во тьме ночи со страшным ритуалом изгнала плод. Душа нерождённого, принесённая в жертву, оградила её любимого от смерти. Но коротка была радость. Едва осознала девушка, что совершила, прокляла и многобожца, и братьев, что чёрствостью побудили её сторговать душу за душу.

В тот день над морем висел туман. Девушка брела по берегу, глядя, как в белёсой дымке тонут камни. Путь её лежал на обрывистый утёс, и чем выше она поднималась, тем яростнее билось сердце, противясь жестокой судьбе. Сестра долго смотрела в пелену тумана и наконец бросилась в его объятия. Безжизненное тело обласкали волны, и долго ещё белое платье трепалось о камни.

Вскоре братья исполнили свой обет: освятили храм, помянули праведницу-мать. Но не звучало под высокими сводами имени их сестры; неприкаянная, билась она о каменные стены в туманные ночи. И тень её будет сироткой странствовать по свету, пока не нашлось доброе сердце, которое бы её пожалело, пока маки цветут на пролитой в поле крови.

Автор: Смирницкая В.В.

– Думаешь, девушка из слободки и есть «сестра»? – спросила Лиза, дочитывая последние строчки.

– Не знаю, здесь упоминается утёс, белое платье и монеты...

– ...и что она была «красавицей», – улыбнулась Лиза. – Это тоже сходится.

Примиришься с мыслью, что они повстречали призрака, было непросто. Лёша часто говорил о тонких, нематериальных вещах; некоторые его размышления приводили Лизу в трепет. Но чтобы мистика вторглась в её жизнь – такого прежде не бывало.

– Странная легенда, – заключила она. – Почему героиня так поступила? Ведь её надежды сбылись: язычник здоров, ребёнка не будет.

– Тебе, видимо, не знакомы муки совести. Дурной поступок может испортить жизнь. Причём не только нагрешившему, но и его потомкам до седьмого колена.

– Ты драматизируешь, – улыбнулась она. – Если я добьюсь чего хочу, и неважно как, сожалеть не буду, поверь.

Она встала и подошла к стойке.

– Извините, можно сделать копию?

Пока библиотекарьша включала ксерокс, Лиза обернулась к своему спутнику и сказала:

– Покажем легенду остальным.

Они доехали обратно на маршрутке и успели вернуться во двор до полудня. В укромном уголке под деревьями, возле футбольной площадки, за зелёным столом, на одной из двух прилегающих к нему лавочек сидел Дима, отрешённый и немного грустный.

– Ты чего тут один? – подойдя, спросила Лиза.

– Думал. О прошлом. О настоящем. О планах. Вам не кажется, что время в Керчи течёт иначе, чем везде? Нелинейно.

Лёша кивнул и добавил:

– Ты становишься частью города. Частью его бесконечной истории.

Лиза не могла ни согласиться, ни возразить – она неотрывно смотрела на Димину футболку. Белая, с принтом «Планеты сокровищ»: мультяшный герой Джим рассекает по небу на солнечном сёрфере. Её подарок на три месяца отношений. Наверное стоило выбрать что-то более стильное, но в то время она стремилась не улучшить, а только понять его вкус.

Пока Дима с Лёшей обменивались рукопожатиями, Лиза присела на лавочку, чувствуя, как воспоминания набухают и распускаются в голове, словно китайский чай-цветок.

– Надо же, ты её не выкинул? – не удержалась от вопроса Лиза.

Дима оттянул низ футболки и перевёл взгляд на принт.

– Нет, *капелька*, она мне нравится.

Лиза вздрогнула от неожиданности.

– Не называй меня так!

Она оглянулась на Лёшу в поисках защиты или совета, он смотрел в сторону. Как следует себя вести?

– Извини, я ещё не привык, что мы не вместе, – объяснил Дима, но буря в её сердце уже поднялась: ласкательное слово родом из прошлого всколыхнуло и боль, и остаточные нежные чувства. Может, им двоим уже не быть друзьями, как в детстве? Может, сам Дима к этому не готов?

– У тебя было полно времени, *солнышко*, – парировала она.

Дима, видимо, не почувствовал иронии и слишком уж открыто, простодушно улыбнулся. С надеждой, как показалось Лизе.

Наконец, Лёша вмешался:

– Дима, у тебя ведь с собой карты? Нас всего трое, давайте в «верю – не верю» сыграем.

Кивнув, Лиза постаралась собраться. Лёша раздал всю колоду на троих. По правилам «верю – не верю» карты передаются по кругу, рубашкой вверх, и озвучивается номинал, например: «Три шестёрки!» Следующий игрок должен угадать, правда это или ложь, и либо добавить карты от себя, либо проверить, действительно ли на столе лежат шестёрки. Все карты уходят тому, кто ошибся в проверке, или пойманному на лжи.

Лизе нравилось блефовать, и особое наслаждение сулило то, что Дима часто проигрывал: быть может, из-за медлительности, или в силу природной неспособности считывать чужие эмоции. За те десятки часов, что прошли с его приезда в Керчь, у них не было случая объясниться, и затаённая обида отравляла Лизе кровь. Будет приятно увидеть, как Дима останется в дураках, для начала хотя бы в картах.

Она села вплотную к Лёше, уверенная, что друг не станет подглядывать. Пару партий спустя мнение пришлось пересмотреть: похоже, прекрасно видя карты, он ей подыгрывал.

– Ещё две десятки! – сказала она с азартом, понимая: в этом круге Дима загребёт полколоды.

От напряжения его щёки покраснели: небось, начал догадываться, что один играет против двоих. До разоблачений дело не дошло: все они отвлеклись, когда заметили Гришу, появившегося из арки дома-змеи. Взъерошенный, в бесформенных шортах, он нёс большую оранжевую сумку. На пляж, что ли, ездил? Следом показалась его мама, щуплая одинокая женщина лет сорока, работавшая в местном археологическом музее.

Затем из арки вышли две девушки, чьи огненно-рыжие волосы сверкали ярче медной проволоки, и заговорили с Гришей. Случайные прохожие? Спрашивают дорогу? Все четверо направились по вытоптанной в траве тропинке напрямик к их столу. Сводные сёстры? Соседки? Кем бы они ни были, однозначно Гриша привёл во двор самых очаровательных незнакомок из всех возможных. «Вот, Дима, тебе две *капельки*. Незачем приставать ко мне», – подумала Лиза. В животе чувствовался неприятный холодок. Неужели ревность? Она машинально поправила волосы.

– Всем привет! – Запыхавшийся Гриша пожал парням руки и плюхнулся на скамейку. Его мама присела рядом.

– Здравствуйте! – нестройным хором все поздоровались с женщиной.

Каждый раз, когда Гриша без малейшего стеснения, приводил в компанию Светлану Андреевну, Лиза заливалась краской испанского стыда. Прийти вместе с бабушкой или мамой? Да никогда! Родственники могут разболтать позорные семейные тайны. Даже Жене запрещалось подходить к ней на улице. Нужно быть Гришей, чтобы настолько не заботиться о чужом мнении. Даже если скажешь ему: «ты тряпка! слабак!», он лишь пожмёт плечами, спокойно уснёт ночью, а наутро поедет с мамой на рыбалку. За это Лиза втайне его уважала. Не всем достаёт наглости быть собой.

– А это Лика и Ники, – продолжил он.

– Не пугайтесь имён, мы нормальные. – Та, кого представили как Ники, выбрала место рядом с Лёшей. – Просто у родителей с фантазией перебор.

Девушки оказались близняшками. Высокие, худые, но с изящными покатыми плечами и длинной шеей, они выглядели клонами. Двумя ксерокопиями третьей, невидимой сестры. В обеих чувствовалась вторичность. В их красивых одинаковых лицах преобладали тонкие вертикальные линии – узкий нос, ноздри, выраженные скулы. Рыжие волосы лоснились, словно по ним сто раз провели расчёской. Сестры и одеты были похоже – в бело-алые сарафаны с геометрическим узором. Одного стиля, но разных фасонов.

Вторая близняшка присоединилась к Диме, Грише и Светлане Андреевне на скамейке напротив и сказала:

– Я представляюсь Ликой. Анжелика звучит ужасно вульгарно.

Лиза ещё раз смерила взглядом её короткий сарафан с открытой спиной. «Как безвкусно...» Хотя в летнем сезоне были актуальны африканские мотивы, к ним едва ли можно было отнести алые перевёрнутые волны, обрамлявшие декольте близняшки. Лиф сарафана смотрелся старомодно и к тому же выдавал маленькую грудь. Её сестра выглядела не лучше. «Но мальчикам, конечно, важнее их смазливые мордашки». Лиза не понимала, как другие девушки могут с беспечностью относиться к своей внешности. Неужели они ничего не хотят от жизни? Неужели не боятся упустить мужчину своей мечты?

Лизу нервировало присутствие чужачек. Центр всеобщего внимания сместился, и во рту у неё появилась горечь.

– Мне ещё повезло с именем, – продолжила близняшка, – в отличие от сестры.

Ники вспыхнула, и краска скрыла россыпи веснушек на щеках. Дима перегнулся через стол, шурясь и уворачиваясь от солнечных зайчиков, просачивавшихся сквозь крону дерева, и возразил:

– Не слушай её. По-моему, Ники хорошо звучит.

– Да уж, – вздохнула девушка, не забыв затем кокетливо улыбнуться комплименту, – а Никитá ещё лучше. Приходится выкручиваться.

– Хотя, – добавил Дима с лукавой улыбкой, – самое красивое женское имя – Лиза. Уж извините, девочки.

Такая открытая лесть должна была разозлить её, но в животе против воли разлилось приятное тепло. К Лизе вернулось ощущение собственной ценности.

Однако никуда не делся внутренний протест против Гришиной бесцеремонности. «Он мог бы сначала спросить, хотим ли мы видеть его знакомых». Компания, казавшаяся монолитной в детстве, распадалась на глазах. Они гуляли вместе по инерции и даже не слишком нравились друг другу. Что ценит Лёша в Маше? Беспокоится ли Влад о Грише? Все избегали задавать сложные вопросы. У каждого был один-два настоящих друга, на этом всё и держалось.

Гулять компанией, несомненно, веселее, чем по двое: можно устроить пикник или поиграть в настолки. Проблемы возникали, когда кто-то приводил новеньких, как сейчас. Круг общения расширялся, и ни у кого из «старичков» не было права вето, чтобы этому помешать.

«С другой стороны, – продолжила размышлять она, – признайся, проблема не в сёстрах, а в неумении делиться. Ты хочешь любви даже от тех, кого не любишь сама. Когда рядом парни, ты и с Машей пытаешься конкурировать». Лиза окинула близняшек долгим взглядом: «Проходи знакомство с глазу на глаз, ты сочла бы их милыми».

Пошарив в кармане, она вытащила сложенную вчетверо распечатку, надеясь, что легенда поможет переломить ход беседы.

Все непосвящённые, пересев на одну скамейку, занялись чтением, пока Лиза с Лёшей наблюдали за выражениями их лиц. Она думала о своей матери, которая беременной оказалась на улице, и, параллельно, о девушке из легенды и её мёртвом ребёнке. Он тоже услышал бы коронное «от тебя одни проблемы», если бы родился.

Парни, озадаченные на вид, добрались до конца легенды первыми, близняшки ещё с полминуты сидели, уставившись в листок.

– У вас тут общество любителей истории? – спросила Ники; по её лицу, как трещина, пробежала ироничная улыбка.

Лиза ощетинилась.

– Нет, это важно!

Она вызвалась пересказать вчерашний вечер.

Чем дольше Лиза смотрела в две пары одинаково зелёных, насмешливых глаз, тем больше привирала. Она говорила долго и детально, для внушительности. Краски сгущались: каждый шорох, отблеск луны, запах превращался в символ чего-то большего. И что хуже всего – трое за столом знали, как далёк её рассказ от действительности.

Под конец Лиза начала запинаться, боясь, как бы кто-то из троих не разоблачил её преувеличений, пусть и по-дружески. Тогда она, жалкая врушка, совсем потеряется на фоне сестёр.

Но никто не вмешался. Напротив, Лёша подхватил рассказ, и о поездке в библиотеку все узнали с его слов. Так история Лизы приобрела больший вес.

– Знаешь, вчера ты ничего не сказала о монете, – сухо заметил Дима. – Покажи.

Лёша выложил находку на стол, и она пошла по рукам. Даже Светлана Андреевна её подержала.

– Может, лучше выкинуть? – спросила Ники, когда до неё дошла очередь. – Вдруг этот призрак подстерегает путников, а потом морочит им голову? Это опасно!

– Я предпочёл бы сначала во всём разобраться. Потом уже выкидывать, – сказал Лёша.

– Ой, да забудь и всё, – возразила Лика.

– Не знаю, важно ли это, – вмешалась Светлана Андреевна, – но мне знакомо имя автора – Смирницкая В.В. То есть Вера Смирницкая. Она курирует некоторые городские культурные проекты и работает в читальном зале центральной библиотеки.

– Хотите сказать, библиотекаря сама эту легенду написала?

– Лучше говори *библиотекарь*. Так вежливее. Но да. Это очень образованная женщина. У нас дома есть книги и брошюры за её авторством. Если захочешь, дадим почитать.

– Спасибо, пока не надо, – улыбнулась Лиза. – Это скорее заинтересует моего брата.

– Да ну! – воскликнула Ники. – Книжки – это скучно! – Лиза заметила, что хотя сёстры порой вели себя как дурочки, глаза их сохраняли умное, пронизательное выражение. Холодный, цепкий, змеиный взгляд.

Жара крепчала. Гриша с мамой ушли домой – обедать и делать генеральную уборку. Другие тоже бы сбежали, будь у них в квартире кондиционер. В степи за пятиэтажкой ухала горлица (*y – yu – y, y – yu – y*), а по столу ползали пьяные от солнца мухи. Хотя Гриша ушёл, близняшки остались: похоже, малознакомая компания их ничуть не смущала.

– Надо бы ещё раз сходить в слободку, – сказала Лиза. – Осмотреться.

– Давай, если ты хочешь... – согласился Дима, и у неё в голове промелькнули десятки дней, когда по её прихоти они вдвоём бродили по трещинам у Стекольного комбината или блуждали по степи, не боясь ни змей, ни пауков. Иногда им попадались алые маки, лентой тянущиеся по холмам, совсем как в легенде. Бывший улыбнулся ей – возможно, думал о том же. У Лизы задрожали коленки.

– Это небезопасно, – перебил её мысли Лёша. – Лучше сходим мы вдвоём с Димой.

Если честно, такой вариант её вполне устраивал. В душе она была страшной трусихой.

– Я бы взял Лизу. Что такого? – возразил её бывший.

– Сдались вам эти деревни! – сказала Ники, а её сестра усердно закивала. – Пойдём лучше в город! – (На местном жаргоне «в город» значило «в центр».) – Сегодня ведь День рыбака.

С поддержкой Лёши их голоса перевесили, и было решено ехать на набережную, как только спадёт жара.

– Ладно, я пока пройду до магазина, – заявил Дима.

Он встал, подошёл к Лизе и прошептал ей на ухо: «Мы с тобой ещё сходим, куда захочешь». На неё нахлынула сначала волна лёгкой тошноты, потом – нервного возбуждения. В душе удивительным образом уживались обида на него и вялая нежность. «Мы с тобой ещё сходим, куда захочешь», «мы с тобой дождёмся лета», «мы с тобой справимся с расстоянием», «мы с тобой будем жить вместе», – как же сильно Дима любил разбрасываться этим «мы с тобой».

– Вам взять чего-нибудь?

– Мне нет, – ответил Лёша. – Я отойду по делам на пару часиков. К вечеру вернусь.

Лиза удивлённо подняла брови. Друг ни о чём таком не предупреждал. Она могла бы сейчас придумать отговорку и тоже улизнуть. Не сказать, что ей нравилась перспектива провести следующие часы только с близняшками и Димой. Однако же, близость бывшего возлюбленного разжигала в ней любопытство и... ещё какие-то сложные чувства. Чем быстрее она разгадает его намерения и мотивы, тем скорее вернёт себе невозмутимость. Лиза была не прочь испытать себя. Жива ли ещё симпатия? Что за человека она любила?

Тем временем Дима пошёл вдоль длинного дома до магазина «Счастливчик» – за холодной газировкой и арбузным мороженым. Поравнявшись с подъездом Влада, он заметил возле гаражей старушку, сидящую на раскладном стуле. Её седые волосы были повязаны красным платком на манер банданы, в ногах стояла тканевая сумка, в ней – кулёк, полный семечек, а на семечках – два гранёных стакана дном вверх. На Диму нахлынули воспоминания. Сколько же таких стаканов они выщелкали за детство! А ещё у бабулек были леденцы «Рошен» по четверть гривны за штуку. В каком это году торговки исчезли с улиц?

Дима остановился. Наверное, руки у неё, как и у тех, прежних, пахнут хозяйственным мылом, а подол юбки усыпан лузгой. Родители говорили не покупать еду с рук, но запрет нарушался тысячи раз, и никто не отравился: в детстве этого не могло произойти, они были неуязвимы.

Дима подошёл ближе. Нет, от неё пахнет не мылом, а чем-то сладким, вроде творожной массы. И воздух внезапно стал более тяжёлым и влажным.

– Будьте добры, два стаканчика. – Дима привык разговаривать со старшим поколением с нарочитой вежливостью, зная, как им это приятно. – Пятьдесят рублей? – Он указал на ценник.

Бабушка кивнула, беззубо улыбнулась, отсыпала Диме семечек, потом достала из кармана цветастой рубашки кусок марли, сложенный вчетверо, и протянула ему.

– Что это?

– А ты посмотри!

Он отступил. Женщина криво усмехнулась и развернула марлю: под белой тканью оказалась пара золотистых серёг с алыми камешками.

– Бери-бери, человек, не бойся.

Отец предупреждал, что чужое добро липнет к рукам, но отяжеляет совесть. Да и на что ему женские серьги, пусть и позолоченные?

– Чего всполошился, голубок? Была я молодая – сама носила, а теперь куда уж. Возьми, подаришь девушке красивой, какая нравится.

Он сразу подумал о Лизе. Вроде она предпочитает маленькие, металлические серёжки, но в слободке при виде массивных украшений глаза её загорелись. Пригодилась бы любая возможность положить конец глупой размолвке. В душе Дима до сих пор не верил, что они действительно расстались. Скорее уж, поставили отношения на паузу. Решили не мучить друг друга вторым годом сообщений и видеозвонков. Однако Лиза всё ещё занимала место в его сердце.

Оглядевшись, Дима убедился: за ближайшими деревьями никто не прячется, не наблюдает. Хотелось верить, что женщина с семечками – не мошенница.

Предполагая, что бабушка не даст ему заплатить за серьги, он отвернулся, добавил к пятидесяти рублям ещё две тысячи и дважды сложил купюры пополам – мелкой банкнотой наружу.

– Спасибо. – Он сунул деньги женщине в руку, взял серьги, семечки и продолжил свой путь, рассеянно перебирая в голове воспоминания о позапрошлом лете. Будто бы всё это случилось недавно. Два года пронеслись как один день. Вот бы ещё Лиза считала так же.

Когда Дима купил газировку, мороженое и вышел из «Счастливчика», он решил выбросить марлю и переложить подарок для Лизы в кошелек, чтобы в кармане, где лежала ещё

колода карт, стало свободнее. Серьги оказались на удивление увесистыми. «Они что, целиком из золота?» Дима смутился, что дал женщине недостаточно денег, и посмотрел в сторону гаражей, но торговли там уже не было. «Наверное, пошла домой. Две тысячи – хороший дневной заработок». Ему стало неловко от мысли, как легко он расстался с суммой, которую многие люди вынуждены беречь. «Ещё раз увижу её – доплачу».

Деньги не доставались ему легко. Три года назад они с отцом заключили соглашение: если он будет решать свои проблемы как большой мальчик и до окончания университета ни разу не попросит о материальной или иной помощи, отец доверится ему, и бизнес станет их общим, семейным делом. Дима никогда не рассказывал об этом Лизе. Полагал, что, возможно, отец не столько заботится о его воспитании, сколько жалеет денег. Кто знает, может, другому сыну, более надёжному, он давал бы больше. В таком не признаешься любимой девушке.

Дима вернулся во двор. Он прошёл мимо песчаной площадки, которую ограждала дырявая сетка, увитая диким виноградом. На этом поле раньше проводились напряжённые матчи: команда его пятиэтажки, Будённого д.9, встречалась со сборной двух корпусов кооперативки. Однажды после победы, лет в двенадцать, Дима схватил Лизу, стоявшую в тени винограда, за обе руки и долго тряс её, а потом даже обнял. В тот день он впервые заметил, что выигрывать приятнее, когда она смотрит.

Детские развлечения сопровождал шум и сильные эмоции, которые теперь, в восемнадцать лет, появлялись у Димы редко. Хотя вчера ему пришлось переживать за Лизу, сегодня он думал о произошедшем в слободке с удовольствием. Получается, Керчь ещё могла подарить ему приключения.

Вернувшись к зелёному столу, он увидел, как Лиза, разговаривавшая с близняшками, смешно, совсем как в детстве, морщит лоб, и глаза его затуманились нежностью.

Глава 3. День рыбака

Никому не сказав, куда уходит, Лёша отправился в Цементную слободку. Шагал бодро, из оранжевых наушников стеной лилась музыка, длинный провод болтался из стороны в сторону, мешал – пришлось намотать его на левую руку, поверх чётков.

Ни дня не проходило без многогранного звучания «дип-хауса». Иметь дело с жизнью – сложно, а без саундтрека – невыносимо. Без музыки он не справлялся. В ритмичных басах вязли и тонули вредные мысли. Бесхитростный вокал отвлекал от самокопания. Чем глупее слова песни – тем лучше. Ещё не хватало, чтобы музыка его наставляла. Пусть не стихает ни на секунду – большего не требуется.

Однако – трек на паузу! – ему необходимо подумать. Препарировать собственные чувства. Разобраться, зачем он возвращается в тёмное и, возможно, опасное место. Смейтесь, если хотите, но он верит в сверхъестественное. В его проклятой семье никто не умирает атеистом.

Неужели он так устал от жизни, что ищет неприятностей?

Нет, до этого пока не дошло.

Вчера он превратил историю о смерти дяди в страшилку ради удовольствия компании. «Акт душевного эксгибиционизма, – думает Лёша, и его скулы напрягаются, язык немеет от острого чувства вины. – Нельзя было».

Сколько раз он собирался посвятить Лизу в семейную тайну! Поделиться кошмарами, мешающими спать по ночам. Но всякий раз Лёша обращал намёки в шутку. Наверное, слова сдерживал страх сломаться у Лизы на глазах, разрушить образ стойкого, уравновешенного человека, без которого он себя не мыслил, и жить потом с последствиями чрезмерной откровенности. В глубине души Лёша надеялся: она догадается сама.

И вот, подавленный стыд навлёк беду: появились огни. «Началось».

Лёша шёл в слободку, лишь бы не думать о будущем. Он сосредоточился на миссии: не допустить, чтобы Лиза вернулась в то странное и враждебное место, которое она называла Домом подземных цветов. «Но будь честен, – мысленно потребовал он. – Тебе мало её защитить». Лёша жаждал проговориться об экспедиции. Видеть лицо Лизы посеревшим от беспокойства, оказаться в эпицентре её мыслей, заработать несколько бонусных очков. «Вот только ты не участвуешь в соревновании, – одёрнул себя Лёша, – и на то есть причины, которые нельзя игнорировать. Нельзя. – Он улыбнулся через силу. – Ходячие трупы не ухаживают за девушками».

Отделиться от компании его заставил ещё один тайный мотив: не видеть, как заново сближаются Лиза с Димой. Когда тот назвал её «капелькой», Лёше с большим трудом удалось изобразить безучастность. От мысли, что вся излучаемая ею ненависть к бывшему была лишь переродившейся, а вовсе не мёртвой любовью, становилось тошно.

Лёша вспоминал один вечер в прошлом году, когда они сидели компанией за зелёным столом и Влад начал зачитывать переписку с двоюродным братом. Дима рассказывал про поездку на Мальту: мол, пейзажи потрясающие, две трети студентов – девушки, у всех идеальный английский, каждое лето проводят в языковых лагерях. Лиза, пока слушала, страшно переменялась: казалось, всякая эмоция схлынула с её черт, и осталось даже не убитое выражение лица – отсутствие выражения. Она встала, буркнула, что идёт домой, но направилась к арке. Не отвечала на сообщения, не брала трубку, и когда Лёша позвонил в дверь квартиры, открыл Женёк, ничего не знавший о сестре. А Лиза никогда ведь не отличалась любовью к одиноким прогулкам. «Чем горячее у меня на сердце, тем холоднее должна быть голова», – решил Лёша и начал методично обходить все места, где подруга проводила время с Димой. О боги френдзоны, он знал слишком много.

Вскоре стемнело, а Лёша всё блуждал по кустам да по пустырям. Когда почти отчаялся, пошёл вдоль шоссе к заброшенному Стекольному комбинату. На холме, где ведьмино кладбище, горела степь. Оранжевый закат уже скрылся с неба, но успел подпалить траву. Пламя плясало далеко от домов Солдатской слободки, и никто не пытался пожар тушить.

Лёша, отдалившийся от дома на пару километров, думал: «Здесь Лизы точно нет, здесь пусто, темно, безлюдье». Однако пропажа нашлась: подруга стояла спиной к дороге, прислонившись к чёрным массивным трубам, и смотрела на огонь. Лёша держал наготове строгую речь про надуманную, детскую любовь, которая скоро осядет, как сахарная вата. Хотел сказать: «слушай, всё наладится», «корень обиды – эгоизм», но забыл все слова, услышав не то вой призраков комбината, не то девичий плач. Лёша перелез через трубы, обнял Лизу крепче, чем позволял себе прежде, положил подбородок ей на макушку. Волосы пахли пожаром.

Спасатель недооценил утопающего. Она плакала взахлёб, билась в ознобе, цеплялась за футболку, тащила, тащила на дно. Будь они в воде, оба бы утонули.

– Я поговорю с Владом, – пообещал он. – Больше никаких неприятных новостей.

Лиза икнула и на время затихла. Взгляд стал пришибленным. Лёша понял: ей больно от упоминаний о Диме, но в то же время хочется знать всё. Когда рана чешется, трудно не ковырять.

– Прости, – сказала она. – Скоро возьму себя в руки. Эмоции эти, воспоминания, всё... в огонь. Когда снова его увижу, не дрогну.

– Может, он продолжит по лагерям шататься и уже не приедет.

Лиза сжалась и зажмурилась. Лёша знал: хотела она другого. Чтобы Дима вернулся, прополз на коленях от двора до комбината, извиняясь на русском, английском и татарском. Чтобы назвал прекраснейшей девушкой на планете Земля. Чтобы сдержал обещания и стал надёжной опорой на всю жизнь. Она ждала, когда ход событий повернётся вспять. И пока чуда не случилось, в её голове работала программа самоуничтожения. Внутри всё горело.

– Иногда я... желаю ему боли, – призналась Лиза. – Или даже смерти.

Такая откровенность стала для Лёши неожиданной. Появись у него подобные мысли, ни слова не слетело бы с языка. Он привык держать чувства под контролем, в особенности греховные.

– Тебе только кажется, – возразил он. – Представь, Дима лежал бы в траве связанный, и огонь подбирается всё ближе...

Лицо Лизы приняло расслабленное и будто бы мечтательное выражение, заплаканные глаза смотрели на пожар.

– Ты прав. Но прежде чем помочь, я задержалась бы на минутку. До второго «пожалуйста».

Вопреки всякой логике, жестокие слова его возбудили. Больше всего Лёша сторонился лицемерия, а сильные, открытые чувства, пускай и неправильные, его будоражили. Он ослабил уже не столь целомудренные объятия и сказал:

– Хватит мучить воображаемого Диму. Пора отвести тебя домой.

Помнить Лизу надрывающейся от плача в его руках и спокойно слушать Димин флирт было невыносимо. У Лёши возникали проблемы с контролем гнева. «Что с тобой? – он случайно вспомнил библейскую строчку. Кажется, из неканонических текстов. – Отчего смущены разум твой и чувства сердца твоего?» Ответ простой: разум и чувства находились в разладе. Сердце стремилось получить от Лизы больше, чем дружбу. Разум запрещал. Не личность получалась, а маятник в вакууме. Колеблющийся вечно.

Понимаете теперь? Лучше уж выкрутить звук в наушниках на максимум, чем думать о жизни.

Сегодня Цементная слободка выглядела иначе. Вчера каждый обломок кирпича, каждый неостриженный куст, каждое треснувшее окно вписывались в общую картину. Хаос казался

неслучайным. Теперь же Лёша увидел обычный запущенный посёлок. Слободка не ждала гостей.

Поперёк дороги лежала собака с чёрной спиной, длинным хвостом и коричневой мордой. «Босерон? – предположил Лёша. – Не чистокровный, но порода ещё чувствуется». Пёс поднялся с земли, оскалил зубы и зарычал.

– Спокойно, приятель. Ты ровный парень, я тоже. Поладим! – Лёша показал пустые ладони. – Видишь? Не очень-то я страшный.

Глаза животного покрывала белёсая плёнка. Это были две полные луны. «Слепой?» Пожалуй, нет. Лёша умел отличать собак, лишившихся зрения: обычно они выглядели трусливыми, кроткими, поворачивали морду в сторону звука и низко держали голову, полагаясь на запахи. Этот пёс определённо его видел.

– Есть хочешь? – Лёша запустил руку в карман. – Извини, сухой корм. Не ходить же с мясом по такой жаре. – Он положил горсточку перед псом, продолжавшим рычать и прижимать к голове чёрные уши. – Ешь, шантажист. Ласки хочешь? Вообще-то я не глажу подозрительных товарищей вроде тебя. Не хочу потом блох ловить. – Лёша вздохнул, присел на корточки и почесал пса за ушами. – Ладно-ладно.

По телу собаки пробежала волна дрожи, рычание прекратилось, изо рта вывалился розовый язык. И что самое удивительное: глаза прояснились, белая дымка исчезла.

– Хм. Симулируешь? – Не переставая гладить, Лёша скомандовал: – Сидеть! – и собака послушалась. – Недавно на улице? Бедняга. – Бездомные животные вызывали у него сочувствие: их существование тоже было лишено смысла.

Пёс начал есть корм.

– Так-то лучше.

Лёша выпрямился, успокоенный, и отправился искать вчерашнюю тропинку, а пёс потрусил следом. Дом подземных цветов стоял в круге сочной зелёной травы. При ярком свете аномалия ещё больше бросалась в глаза. Лёша поискал взглядом разбрызгиватели для газона, но не нашёл ничего похожего. Сзади раздалось подвывание: пёс бегал вдоль кромки зелёной травы и скулил.

– Ко мне! – позвал Лёша. Собака подняла жалобные глаза, но в круг не пошла.

Стало неудобно: какая сверхъестественная сила питает землю слободки? Что за языческие верования побуждают людей жечь здесь еду и личные вещи? Он ощутил брезгливость и усмехнулся: «В кои-то веки естественные для верующего чувства. Лишённые иронии. Отец бы похвалил». Чтобы оставаться глубоко религиозным человеком, Лёше нередко приходилось богохульствовать – иначе не получалось защититься от вездесущих отцовских наставлений. Бывало, простоишь воскресную службу, выслушаешь его разглагольствования о праздничном дне, насмотришься, как подходит какой-нибудь верующий для пастырской беседы и с трепетом повторяет «батюшка», а далее за трапезой с активом прихода внимаешь речам о праведной жизни. И каждое слово подкреплено страстью в глазах и твердой уверенностью в собственном моральном превосходстве.

В повседневной жизни отец всегда проявлял достоинство. Во время учёбы в светском университете познакомился с будущей женой – светловолосой, миниатюрной девушкой, чей дедушка-священнослужитель был репрессирован в тридцатые за «антисоветскую агитацию». Его близкие спрятали на время иконы, но не веру – у Иры ею светился высокий лоб и умные зелёные глаза. Как рассказывал отец, он сам не заметил, как охладел к родственникам-коммунистам, тяжело воспринимавшим перестройку, и переродился в нового человека. Они с матерью поженились, отец поступил в семинарию, родились дети. За много лет он ни разу не сталкивался с кризисом веры. Такая уж натура: если увлётся – будь то коллекционированием монет, женщиной или верой, не бросит, пока его в гроб не уложат.

Отца не поймаешь на пьянстве, лжи или рукоприкладстве, а желающие обнаружить в нём грехи находились: у них в подъезде существовала практика выставлять пакеты с мусором в общий для нескольких квартир предбанник, и однажды Лёша подловил соседа, и вместе с тем прихожанина, за рытьём в отходах.

Ссоры в семье случались, причём громкие, но вдохновляла их мама, обвиняя отца то в молитвах за красных предков, то в навязчивом поведении прихожан, которые, встретив её во время поста в супермаркете с молоком «Агуша» в руках, округляли глаза и шептались. Будто не знали, что в доме растёт годовалый внук. Отец переносил её истерики стоически и огрызался, лишь когда слышал: «Да без меня ты бы к вере не пришёл».

И всё-таки отец дважды в жизни совершил жестокость, и самоубийство Славы лежало на его, а также маминой совести, считал Лёша.

Он не мог признать всепроникающую отцовскую правоту, потому приходилось насмешничать, переиначивать библейские тексты, перекраивать догмы, а потом молиться Богу бесконечно мудрому и принимающему исключения из правил. Всё, лишь бы не верить, будто в мире существует объективная истина, доступная священнику. Лишь бы не стать человеком, не признающим ошибок.

Несмотря на брезгливость, Лёша не хотел уходить из слободки ни с чем. Он перекрестился, подошёл к Дому подземных цветов, подёргал запертую дверь, заглянул в окна: внутри никого не оказалось; более того, из единственной комнаты исчезла мебель. Похоже, дом, лишь притворявшийся жилым, вернулся в естественное состояние. Лёша рассудил, что ломиться внутрь всё же не стоит: каким бы необычным ни казалось это место, как обычный человек, он вынужден соблюдать закон.

Он спустился с крыльца и встал на колени возле подвального окна. Груды женской одежды не исчезли: летние платья, свитера, куртки; разных цветов, стилей, размеров; советской эпохи и современные. Сарафан в самом низу наполовину истлел. Что это? Тайник маньяка? Домик сектантов? А сверху лежит вчерашнее нежно-зелёное платье Лизы... Нет, показалось. Меньше надо смотреть на её наряды, волосы, грудь...

От мыслей отвлёк лай нового друга. Пёс перебежал левее, всё ещё держась снаружи круга, и Лёше стало интересно, на что тот смотрит. За Домом подземных цветов открывался участок с выгоревшей до черноты травой; в золе, на коленях, касаясь лбом земли, стояла просто одетая женщина лет сорока: молилась? читала заклинание? Вокруг валялись горбушки хлеба, кусок белой ткани, тест на беременность, обрывки бумаги. Пока Лёша мысленно сопоставлял один предмет с другим, пёс подпрыгнул и ткнул его передними лапами в живот.

– Сидеть!

При звуке голоса женщина вскочила на ноги и быстро скрылась за домом. Лёша направился к месту, где она стояла на коленях, рассматривая по пути странный мусор. Его внимание привлекла обгоревшая фотография, от которой уцелел лишь один уголок.

Снимок запечатлел каменный памятник в форме паруса на фоне красного заката. «Это в посёлке Героевка», – понял Лёша. У родителей хранилась похожая фотография, снятая в 2012 году. Отец редко обращался к архиерею за разрешением взять отпуск, да и тогда уезжал максимум на тринадцать дней, чтобы пропустить одно воскресенье. Летнюю квартиру он купил даже не для детей, а для жены – мама нуждалась в отдыхе от взглядов прихожан. Лишь наедине с собой она вновь обретала веру.

В Керчи десять лет прожили прадед с прабабкой, прежде чем уехать в Карелию. Здесь служил давний друг по семинарии дядя Андрей, которого отец мог попросить присматривать за семьёй, когда его нет в городе.

В первое лето они все превратились в детей: каждая достопримечательность казалась приятным сюрпризом. Отец даже согласился позировать с мамой на фото. Возмущался только, как легко она скинула длинные скромные одежды. Ворчал, не более того.

«Мало ли людей фотографировалось в Героевке», – подумал Лёша и позволил снимку мотыльком слететь с ладони на землю. Он поднял взгляд на заднюю стену дома и только теперь увидел, какому идолу поклонялась женщина. По желтоватому ракушечнику вились тугие лозы. На них соседствовали самые разные цветы: маки, нарциссы, фиалки и другие, которые Лёша даже не мог назвать. Живое зелёное полотно образовывало человеческую фигуру. Фигуру женщины в платье из цветов и с венком на голове.

Ближе к закату компания пополнилась, и они пошли к троллейбусной остановке. Праздничное настроение задавал Гриша, надевший тельняшку и корону из фольги. Они с Димой, два сорванца, смеялись так громко, как взрослые уже не смеются. Лёша спустя пару часов отсутствия вернулся с видом человека, нашедшего новую причину для головной боли. Лиза даже боялась его трогать, лишь шла рядом и краем глаза наблюдала, как Маша знакомится с близняшками. Подруга вела себя дружелюбно, но рассеянно: говорила с полуулыбкой и даже не спросила про имена. Её взгляд был поверхностным, блуждающим. В уголках глаз проступали гусиные лапки, блёклые русые волосы свисали сосульками, но ослепительно белые от природы зубы освежали маленькое лицо.

«Мне одной близняшки не нравятся?» – спросила себя Лиза, сверяясь с Машиной безразличной реакцией. Ей никак не удавалось отделаться от чувства тревоги в присутствии сестёр. «Что ж, неудивительно, – вздохнула она. – Я та ещё стерва». К счастью, людей не наказывают за мысли, пока те не обернутся действиями. Лиза умела подавлять худшие свои порывы, и знакомые, с которыми она не откровенничала, как с Лёшей, считали её милой, уравновешенной девушкой. Например, после разрыва с Димой она придумала сотню способов ему навредить, но мстительна ли она, если ни разу не совершила задуманное? И нужно ли стыдиться неприязни к безобидным незнакомкам, если она не пытается выжить их из компании? Лёшины советы помогали ей калибровать сбитый моральный компас и держаться света. В мыслях же она оставалась такой, какая есть.

Остановка «Ворошилово» примыкала к двухэтажному зданию с конторками. Часть первого этажа занимал салон красоты, где работала бабушка, и Лиза встала подальше от окон: а то ещё увидит Диму, расскажет дочери, начнутся подшучивания похожие на оскорбления, сплетни на грани злословия. Ничто так не объединяло маму и бабушку, как разговоры об ужасном будущем, которое ждёт Лизу. Разве имеет она право на счастье, какого не было у них? Ну же, дорогая, не расстраивай родственников.

Наконец приехал троллейбус. Они купили билеты у кондуктора и столпились в центре салона. В окне замелькали зерновые силосы и портовые краны, небо за ними начинало темнеть. Здесь День рыбака ещё не чувствовался. Только на придорожных билбордах висела реклама пенной вечеринки в клубе «Кокос», шатёр которого – ослепительно-белое пятно на жёлтом фоне Городского пляжа – открывался для посетителей каждые выходные. И всё-таки центром притяжения обычно становилась набережная, где люди далёкие от рыбаков и рыбалки чувствовали то ли морской флот, то ли Нептуна, то ли пророка Илию.

Все выглядели оживлёнными. Гриша уже во второй раз перепутал имена сестёр, хотя их красно-белые сарафаны различались по фасону. «Куда он смотрит? – удивилась Лиза. – У одной юбка А-силуэта и V-образный вырез, у другой прямая и квадратный».

– Не извиняйся, мы правда одинаковые! – успокоила его Лика.

– Так ведь интереснее! – вторила Ники. – Вот представь: захочешь ты поцеловать одну из нас и как выберешь?

Гриша не нашёл что ответить, его бледноватое лицо пошло пятнами. Он не стеснялся своей полноты, фольги на голове, дурацких шуток, но в общении один на один часто оказывался беспомощен.

– Я бы поцеловал любую, – вмешался Дима. – Если не дала пощёчину, значит, та. Если дала, есть второй шанс.

Близняшек его план ничуть не смутил, напротив, они заулыбались, обнажая острые зубки. Лиза же заметила, что, говоря так, бывший смотрел не на сестёр, а на неё, и несмотря на топорность приёма, ощутила укол ревности.

Они вышли на остановке «Военкомат» и свернули в переулок, ведущий к набережной. Диме тем временем позвонили из Казани, и Лиза на всякий случай прислушалась к разговору. «...яхшы, брат, – он мешал русский с татарским, повинуйся какой-то логике, которую она пока не могла уловить. – С покраской тебя, за покупателем дело не станет... Да говорю тебе: всё сложится, плюй не плюй... Нет, отец мой тут не поможет, при чём здесь он? Что значит чё? Кутак через плечо. Мы сами справимся...»

Речь шла о бизнесе, как поняла Лиза. Она сложила в уме всё, что удалось узнать: по приезде Дима упоминал, что получил водительские права, «покраска» это, скорее всего, тоже о машинах. Плюс когда-то он обещал ей заработать на переезд в Москву, перепродавая подержанные иномарки. Неужели выгорело?

На День рыбака Керчь немного напоминала Москву: вокруг люди, шум, движение. Словно гуляешь тёплым вечером на Чистых прудах. Переулок вёл к площади с фонтаном в форме шаровой молнии, запруженной народом. На маленькой временной сцене оркестр играл джаз, и музыка разносилась на сотни метров вокруг.

За всей суматохой Лиза не сразу заметила, что за компанией увязалась рыжая дворовая собака с короткими лапами и странными белыми глазами.

– Признавайся, ты прикормил? – спросила она у Лёши.

– Эту вроде на Будённого не видел.

Она прыснула.

– Так ты папочка целого района?

– Сходи как-нибудь со мной и увидишь.

Лиза собак побаивалась и потому с трудом представляла, как окажется с Лёшей на пустыре в окружении двадцати-тридцати псов. Пускай ладить с животными полезно для души, Лёше тяжело будет вдохновить её на такие подвиги. Лучше она попробует поладить с Димой.

Они вклинились в толпу и позволили потоку нести себя. Гришина блестящая корона, видная отовсюду, помогала не потеряться. Десятки людей, как и он, надели тельняшки, соблюдая неофициальный дресс-код праздника.

За жареной хамсой пришлось отстоять очередь, но время пролетело быстро, и вот они уже шли на пирс с кульками золотистой рыбы в руках. К левой стороне причала пришвартовался рыболовецкий сейнер «Пингвин», и на экскурсию по нему приглашались все желающие (в основном приходили семьи с детьми). Справа не осталось ни одной лодки: катер с разноцветной иллюминацией катал туристов взад-вперёд по заливу, яхты тоже вышли в море, в их парусах отражались голубые сумерки.

Компания расселась по краю пирса. Дима устроился возле столбика для швартовки, на самом носу, где волны поднимались выше всего. Остальные дальше, за его спиной, куда долетали лишь солёные капли. Лиза положила сумочку с телефоном и кошельком на ржавую заклёпку, крепившую несущую сваю пирса, и присела на ладони, но потом, расслабившись, перебралась на прохладный бетон. Одна из близняшек и Гриша остались на ногах. «Побрезговал сесть на асфальт, чистюля». Они все сосредоточенно ели мелкую, но вкусную рыбу и наблюдали, как на водной станции артисты готовятся к вечернему выступлению. По краю выдающегося в море бетонного бассейна расставили флаги «Единой России» и массивные колонки. На отдельном постаменте высился зелёный трон талисмана праздника, пока что пустой. Нырательную вышку завесили двумя белыми парусами, сверху водрузили Андреевский флаг.

– А вы не смотрели программу? – спросил Гриша. – Во сколько появится Нептун?

– Только не говори, что собираешься ловить конфеты, – усмехнулась Маша.

– Нет, просто не люблю конкуренцию, – он постучал пальцем по короне.

– Вот скажи как бог морей: люди вспоминают о тебе раз в году, да и то ради конфет, не обидно?

– Не так обидно, как быть смертным.

– Уж лучше смертным, чем клоуном, – возразила Лиза. – Сейчас даже в рептилоидов больше людей верит.

Ники, сидевшая рядом с Димой, склонилась вбок и положила голову ему на плечо. Лишь бы этого не видеть, Лиза устремила взгляд на стоящие рядом катамараны на водной станции и... почувствовала толчок кулаком в поясницу. Она замахала руками – поздно, не удержаться; выронила кулёк с рыбой; зажала пирс под коленями, – напрасно. Лента неба прокрутилась перед глазами, от погружения живот обожгло крапивой, в лицо ударила вода.

Море хлынуло со всех сторон, Лиза забарахталась в толще воды. С поверхности слышались глухие крики, из губ начал выходить воздух. Она открыла глаза: сине-зелёную, плотную как гуашь воду рассекала надвое прядь её волос. «Здесь же нет лестницы!» – подумала Лиза, выныривая.

Лица коснулся ветер, лёгкие задышали, но глаза – что случилось с её глазами? Весь мир стал чёрным, словно в воздухе распылили тонер для принтера. Лиза чувствовала бьющиеся под локтями волны, но не видела воды, не видела рук, не видела, куда плыть. Чувство верха и низа не исчезло, ей удавалось держаться на поверхности, но в мыслях она уже тонула. Впервые в жизни она поверила в собственную смерть: не ту, что принимаешь с рождения – в почтенном возрасте, в окружении внуков, а смерть близкую, трагичную. Тело задрожало от одной мысли о ней, а сзади по шее проползла змея страха.

– Я не вижу! Ничего не вижу! – закричала Лиза, но мог ли одинокий голос пробиться сквозь сотни голосов? Пропускал ли звук её чёрный кокон?

Волна толкнула её в грудь, припечатала к каменному столбу спиной. Она развернулась, схватилась за сваю; ракушки и жёсткие водоросли оцарапали коленки. Но море тут же оторвало её от опоры, швырнуло прочь. Чёрный, непроницаемый мешок, в котором она барахталась, заполнился водой. Лиза вынырнула, не зная, как долго ещё продержится на плаву, и крикнула:

– Помогите! – живо представилось, как Лёша вытаскивает её за шиворот. Сценарий мало-реалистичный, но на друга вся надежда.

Что-то тяжёлое с шумом рассекло воду. Лизу обдало солёными брызгами. И сейчас же большая рука схватила её под грудью, уложила на спину. Чьи-то ноги столкнулись с её ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.